

Лариса Порхун

Женский клуб

повести и рассказы

16+

Лариса Порхун

Женский клуб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747276

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга коротких повестей «Женский клуб», который она получила по названию одного из рассказов, охватывает проблемы семьи, взрослой жизни, «утраченного рая», поиски смысла жизни, связи личности и общества, с которыми сталкиваются и которым пытаются противостоять представительницы прекрасной половины человечества. Произведения «женской» прозы, как правило, отличаются особым стилем и настроением, не стал исключением и данный сборник. Как дальше сложится судьба Марины, сможет ли продолжать вести прежний образ жизни Кристина, найдут ли понимание, обретут ли покой, счастье и душевное тепло юная Алька и взрослые Лидия, Надежда, а также соучредительницы некоего женского клуба? Обо всём этом рассказывается в данном сборнике.

ЗЕЛЁНЫЙ МЁД

1

За всю церемонию похорон Марина не заплакала ни разу. Более того, даже когда гроб с телом её мужа Сергея (а вернее с тем, что от него осталось) опускали в яму, и несколько женщин разом заголосило, то даже тогда она, правда, вздрогнув, но с невозмутимым лицом, лишь плотнее закуталась в роскошный дорогой палантин чудесного фиолетового оттенка. Светка, повернувшись ко мне и возмущенно зашептала:

– Ну что за стерва бессовестная!?! – Нет, ты подумай, а!?! Хоть бы слезинку выдавила! Чужие люди и то больше переживают! И не родственники, заметь, но в знак уважения пришли в трауре. А эта, расфуфыренная стоит, и хоть бы что! Даже этот черный платок соседка, тетя Люся в последний момент её заставила, чуть не силком, надеть. Жена, называется...

При всех своих несомненных достоинствах, Светка болтлива до чрезвычайности. Зачастую до неприличия и абсурда. Дело в том, что любая мысль, простое наблюдение, и вообще самая разная информация, не имеют не единого шанса остаться в неприкосновенных границах её внутреннего мира. Для Светки это физически невозможно. Это угрожало бы её целостности, как личности и человеческой единицы. В прямом смысле. Да, собственно, и в переносном тоже. И если её вовремя не остановить, сама она с наплывом раздражающей её вдоль и поперек словесной лавины не управится ни

за что. Поэтому я очень выразительно на неё глянула. И вдобавок упреждающе дернула плечом. Дескать, и без тебя все понятно. У других тоже глаза имеются. Тем более, что упомянутая тетя Люся внимательно прислушивалась к её громкому шепоту и даже слегка кивала.

Боря стоял рядом с Мариной и слегка придерживал её за локоть. Хотя это ещё вопрос кто из них больше нуждался в поддержке. Щуплый, невысокий Борька с покрасневшими, слезящимися глазами, одетый в легкую куртку, с выражением отчаяния на лице или бледная, но спокойная и неизменно прекрасная Марина в вишневом длинном пальто и чудесной накидке, так гармонировавшей с лазурным взглядом её печальных глаз.

Марина была на добрых полголовы выше Бори. Сейчас он иногда с тревогой пытался заглянуть ей в лицо. Хотя с этой точки обзора ему была видна лишь нижняя часть её изящного профиля да несколько длинных жемчужных прядей, выбившихся из черной гипюровой косынки.

То, что Боря любил Марину, становилось ясно с первого взгляда. Ну, для некоторых, может быть и со второго. Это, уж чтобы убедиться окончательно. Как правило, большего времени не требовалось совершенно, даже для людей мало-знакомых, и тех, кто имел весьма туманные представления о романтических отношениях. Что уж говорить о нас со Светкой, на чьих глазах большая часть всей этой истории и происходила.

Борька влюбился в Марину сразу. В ту же секунду, когда увидел: мгновенно и окончательно. Это произошло в четвертом классе, где она начала учиться после того, как в их небольшой и тихий городок каким-то шальным, пьяным ветром занесло её беременную мать с двумя детьми. Юлька родилась уже здесь. Марина и брат Эдик ходили в школу. Эдик был младше её на год.

Марина приняла Борькину любовь с достоинством королевы: спокойно и равнодушно. С видом человека, который пришёл в этот мир, чтобы принимать любовь и поклонение. Как будто, так и должно быть. И в этом, надо сказать, была своя мудрость. Так как в этой полудеревенской школе крошечного, серого городка, прелестная девочка Марина с ямочками на щеках, льняными волосами и глазами цвета ясного июньского неба произвела весьма ощутимый фурор. Проще говоря, у тощего, очкастого Борьки Либермана, кроме того, что он учился с ней в одном классе, не было больше ни одного козыря. Ну, ни единого, просто-напросто, шанса. И лучше всех это понимал, конечно, сам Борис. Он вообще был парень сообразительный. Положение обязывало, мама – зам. директора в музыкальной школе, отец – главврач районной больницы. Вместе с общеобразовательной мальчик, понятно, учится и в музыкальной школе. Это уж как водится. Национальность опять же, хоть это уже такая тема избитая, что даже неинтересно вообще. Словом, Боря понял, что единственный вариант быть рядом с Мариной, это по-

стараться стать нужным. В идеале – самым необходимым. И он постарался. И даже стал. Отличным другом, незамеченным помощником, благодарным слушателем и восхищенным зрителем. Хотя возможно, это было и не совсем то, о чем он мечтал. И даже наверняка. Но тут уж ничего не поделаешь. Пришлось довольствоваться тем, что есть. К чести Марины надо сказать, что она к этой безусловной любви относилась вполне серьезно и даже с некоторым уважением. Она с милосердием и снисхождением её принимала. Как будто готовилась к этому много лет. Марина пресекала любые насмешки над Борисом. И сама над его чувством никогда не подшучивала. В этом смысле Марина рассмеялась только однажды. Когда им было по двадцать, и Борис сделал ей предложение. Она тогда звонко расхохоталась и нежно поцеловала его в макушку. Больше к этой теме они не возвращались.

После школы Боре прямая дорога была в медицинский. Там все ещё помнили его отца, который несколько лет заведовал кафедрой, прежде чем его назначили руководить больницей в их городке. Кроме того, Боре с его серебряной медалью нужно было бы сдать всего лишь один экзамен. В аттестате у него стыдливо укрывалась позорная и совершенно дурацкая «четверка» по физкультуре. Боря ненавидел этот предмет. Он панически боялся мяча, физически страдал на построении, вжимался в угол в раздевалке и презирал учителя, недалекого хабалистого молодца.

Боря хотел быть там, где была Марина. Скорее всего, это

даже был не его выбор. Он просто не мог долго и безболезненно существовать без неё. У него начинало болеть сердце. Вначале оно ныло и подсасывало, а затем Борьке становилось трудно дышать. Марина была ему необходима, как воздух. Но она и медицинский институт, были вещи абсолютно несовместимые. Здесь даже Боря не смог бы ничем помочь. Марина и школу-то закончила с грехом пополам да Борькиной вездесущей помощью. Поэтому семнадцатилетняя Марина огляделась по сторонам: туда не сдаст, там математика, там конкурс большой, а туда и сама не пойдёт... И вскоре после недолгих раздумий, подала документы в Институт культуры. На факультет культурологии. Боря вздохнул и отнес свои туда же. Но только на исполнительский факультет, как-никак два музыкальных инструмента в активе у человека.

В середине девяностых Борины родители стали готовить документы для переезда в Израиль. Вот тогда в приступе какой-то отчаянной и безумной надежды он и предложил Марине руку и сердце. В его ушах все ещё звучал её многоступенчатый хохот, когда он сообщил родителям, что никуда не поедет. Его сестра Римма, высокая и тучная, беспомощно переводила взгляд с отца на мать, а потом снова на брата. Римма была старше Бори на десять лет и страдала от астмы. Он погладил её по руке и, выходя из комнаты, добавил:

– Я вас очень люблю, но не поеду... Простите... Но я просто не могу...

Конечно, это должно было случиться. Однажды Марина

встретила Сергея. Это было неизбежно. Как встреча отважного Грэя и нежной Ассоль, Тристана и Изольды, леди Гамильтон и адмирала Нельсона. Это была встреча принцессы и рыцаря, витязя с его любимой, героя с красавицей. Сергей был молод, хорош собой, обаятелен и напорист. И профессию имел самую, что ни на есть героическую. Он был военный. В 24 года уже капитан, нес службу в спецподразделении войсковой разведки. Любовь распустила над ними радужный шатер и закружила в волшебном танце под сладостные и утоляющие душу и тело мелодии золотой осени. На свадьбе ни я, ни Светка не были. Мы тогда ещё не знали друг друга. Но я помню свадебную фотографию: красивая пара, какие-то родственники и рядом с ослепительной невестой, – забавный невысокий парнишка со смешным чубом и удивленным взглядом совершенно круглых глаз. – Борька, – тихо и ласково сказала тогда Марина, – Свидетелем был у нас.

Так случилось, что мы, – я, Светка и Марина, – примерно в одно и то же время стали жить в многоквартирном «военном», как его называли, доме. Я вернулась к родителям и приходила в себя, чуть ли не в буквальном смысле, зализывая раны после весьма тяжелого развода. Светка переехала в этот дом после окончания университета, когда её отцу, военному пенсионеру, как и моему, дали там квартиру. Через некоторое время новоселье там справляли и Марина с Сергеем.

Я хорошо помню, когда впервые их увидела. Мы со Свет-

кой встретились у нашего подъезда и разговорились, так как до этого успели познакомиться. В этот момент из соседнего подъезда вышел мужчина в военной форме и удивительной, какой-то нездешней красоты девушка. Это длилось всего несколько секунд, они сели в машину и уехали. Но я запомнила чудесные, оттенка слоновой кости длинные волосы, невероятной расцветки облегающее платье и стройную, точеную фигурку молодой женщины. А ещё взгляд мужчины на неё, долгий и нежный, исполненный такой любовной неги, страсти и чего-то ещё, непередаваемого, неуловимого, но отчаянно знакомого, что мне стало неловко, и я опустила глаза. Даже если бы в этот момент возле дома было в пятнадцать раз больше людей, чем было на самом деле, все равно они не остались бы незамеченными. Я, видимо, была под сильным впечатлением, потому что не сразу услышала, как Светка говорит:

– Это Маринка с Сергеем, год, как поженились и недавно получили квартиру в этом доме, – Светка перевела дух и закончила, – Маринка – классная! Я тебя обязательно познакомлю. Они вообще отличные ребята, посидим как-нибудь.

2

У Марины была универсальная внешность. И она весьма успешно использовала это замечательное качество. В том смысле, что легко меняла свой образ, в зависимости от обстоятельств. Нет, она не была наделена от природы очень яр-

кими и выразительными чертами, как какая-нибудь южная амазонка. Но она запросто могла ею стать. В отличие, например, от той же горячей красотки в модном бикини, которая никогда не сможет быть даже отдаленно похожей на Марину, хоть она тресни. Она будет всегда одинаковой. Красивой, яркой, обольстительной, но... одной и той же. Со своими блестящими глазами, пышными волосами и силиконовой грудью. А Марина не такая, она всегда разная. Она может быть роковой красавицей, пожалуйста, сколько угодно. А может быть нежной и трогательной пастушкой с веснушками на носу. Если будет нужно, то Марина станет бизнес-леди. Я сама была не раз свидетельницей подобной метаморфозы. Причем дело не только в исключительном внешнем перевоплощении. Это была бы жалкая подделка и дешевка, на которую Марина никогда бы не пошла. Нет, она менялась кардинально. Она начинала двигаться, говорить и поступать соответственно с образом. Она погружалась и жила в нем. Думаю, она была прирожденной актрисой. Вне всякого сомнения. Плюс отличный вкус, чувство стиля и мозга. Редкое сочетание, практически уникальное.

Первое сильное чувство, которое Марина помнит из своего детства это презрение к матери. Марине иногда казалось, что она родилась с ним. Ей так знакомо это постепенно нарастающее глухое раздражение по поводу слов, действий и поступков матери. У Марины даже не получалось её ненавидеть. Для этого мать представлялась слишком жалкой и

ничтожной. А ненависть сильное чувство. И очень энергозатратное. Мать его не заслуживала. Можно ненавидеть врага, но все же уважать за определенные качества его личности. Мать уважать было не за что. Так считала Марина, уже лет с девяти. Как это можно, не укладывалось у неё в голове, родить троих детей, неизвестно от кого, и остаться у разбитого корыта. Последний её гражданский муж, от которого мать родила Юльку, так ловко все обтяпал, что она и не заметила, как на шестом месяце беременности, с двумя детьми в придачу, оказалась в этой глухой дыре в покосившейся мазанке. Вдобавок, мать крепко закладывала, в подпитии становилась ужасно навязчивой, плаксивой и выглядела ещё глупее, чем обычно.

Второе сильное чувство, с которым Марина росла – отращение ко всей их семейной обстановке в частности, и к бедности вообще. Оно сформировало вполне определенную цель, – как можно быстрее покинуть родительский дом. Эта цель помогала ей жить, и отчасти выжить. Когда она её осуществила в семнадцать лет, поступив в институт, тут же появилась другая, – сделать все, что только можно, чтобы её жизнь ни в малейшей степени не напоминала жизнь матери. Было немного жаль брата и сестренку, но что с этим могла поделать семнадцатилетняя Марина, которая сама жила в общежитии. Она пообещала себе, что непременно позаботится о них, как только встанет на ноги. И прежде, чем выйти за Сергея, она взяла с него слово, что он не будет ей пре-

пятствовать в этом. Даже если это будет неудобно, трудно и хлопотно. И Сергей обещал ей поддержку. И не только в этом, но во всем остальном и всегда. Он и не на такое бы пошел ради своей Марины. Конечно, он ведь любил её. Но, кроме того, он ещё был и просто очень хороший мужик, этот Сергей. Это было видно сразу. Открытый, честный, добрый и веселый. Его любили. Соседи, обращаясь за помощью, называли не иначе, как «Сереженька». Солдаты его роты обожали своего командира. Сослуживцы уважали и ценили. Серега был душой любой компании. А он, оставаясь все тем же простым, искренним и обаятельным рубахой-парнем, любил одну Марину. Любовь так озаряла его жизнь, что даже немного ослепляла. Он прекрасно видел далеко-далеко простирающийся, освещенный любовью свой жизненный путь вдвоём с Мариной, но не замечал иногда того, что находилось прямо рядом с ним. Можно сказать, под носом. Все же чрезмерная любовь, бывает, застит глаза. А он все смотрел и не мог насмотреться. Буквально забывал на ней свои глаза. И руки. Касаясь ее, задыхался от счастья. Он носил жену на руках, словно куклу. А когда родились их сыновья, – близнецы Славик и Владик, стал носить и их. Я отчетливо помню Сергея, с висящими на нем, в любое время года, хохочущими, дерущимися или засыпающими, что-то рассказывающими или борющимися за внимание отца, двумя его мальчишками.

Я как-то спросила Марину, кивнув на играющих малы-

шей:

– Трудно, наверное, с двумя сразу? Марина пожалала плечами, – Да нет, не очень, Сергей помогает.

Я, помню, что очередной раз искренне восхитилась Мариной. Эта женщина была на два года моложе, а создавалось ощущение, что у неё за плечами колоссальный жизненный опыт, который, однако, её ничуть не тяготит и не заботит. Я в растерянности смотрела на неё и мучительно хотела понять: *как?* Почему таких, как Марина выбирают лучшие мужчины? Почему она всегда знает, что надо делать? Откуда ей всегда известно, как лучше поступить? Каким образом, она всегда выбирает наиболее выгодную и оптимальную для себя позицию? А почему я всегда сомневаюсь? Откуда во мне, девочке из интеллигентной, благополучной семьи такое количество неуверенности, застенчивости и комплексов? Почему воспитанная на хороших и умных книгах, любящими и добрыми родителями, я из множества вариантов почти всегда избираю наихудший? А как ей удаётся? У меня было чувство, будто от меня когда-то утаили что-то важное и до сих пор сознательно продолжают скрывать. А может и не сознательно, но от этого не легче. Марина выглядела, как человек, планы которого своевременно, а иногда и с опережением, но неизменно, и с большим успехом воплощаются в жизнь. Она сидела передо мной: красивая, уверенная и энергичная. Готовая ко всему. Пожалуйста, если муж вернется раньше, – на плите горячий ужин. Мальчишки, кареглазые живчики, иг-

рают в своей комнате. А сама она, – по-домашнему нарядная, – красивый передничек, миниатюрный сарафанчик, ободок с розочками, не женщина – конфетка, – рассказывала мне в это время, как она рада, что у них есть дети.

– Сережа хоть немного переключился, – со смехом говорила она, одновременно демонстрируя с гордостью с десяток «закруток», – Лечо, аджика (ой, Сережка так любит её), томатный сок, – перечисляла довольная Марина с гордостью, – Это только, то, что сегодня закрутила. Я киваю головой, одобрительно цокаю и пытаюсь вернуться к теме:

– С кого переключился, с тебя? – Марина о чем-то задумывается, что явно не имеет отношения, ни к этому разговору, ни к её мужу, ни уж, тем более, ко мне. Мгновение она непонимающе смотрит и нехотя отвечает:

– Ну да, – протяжно говорит она, – Утомительно это, понимаешь, когда тебя любят, хотят и не могут оторваться 24 часа. Хорошо ещё, что у него работа такая, ответственная, а то... Взглянув на меня, Марина совсем другим голосом произнесла:

– Ты не подумай, Сережа замечательный и я очень люблю его, *но* долго я, наверное, все-таки не выдержала бы. Слушая её, я почему-то вспомнила довольно известное выражение «Все, что перед словом «но» – лошадиное дерьмо».

Марина поставила на стол хрустальную розетку, наполненную странной консистенцией зеленоватого цвета с довольно резким запахом. Я непонимающе посмотрела на неё.

Марина загадочно улыбалась:

– Зеленый мёд! – торжественно объявила она. Сережка как-то привез с Новороссийска и мне так понравился этот вкус! Я прямо влюбилась... Мы сейчас только его и покупаем, – Да ты попробуй, не бойся! Вкус был странный, с горчинкой, но довольно приятный. Хотя таким уж выдающимся, как Марине, он мне не показался. Довольно специфический и вкус и запах, одним словом, на любителя. О чем я и сказала Марине. Она с сожалением посмотрела на меня и, вздохнув, заметила:

– Да ты что! Это же падевый мед с хвойных деревьев, он за границей, если хочешь знать, считается очень ценным и стоит значительно дороже, чем любой цветочный. Марина покачала головой, и снова посмотрела на меня, как на человека, у которого только что был шанс изменить жизнь к лучшему, но из-за своего персонального скудоумия, он упустил его навсегда.

Уходя от неё в тот вечер, я мельком заглянула в детскую: четырехлетние Славик и Владик, настойчиво и увлеченно прокладывали дорогу из кубиков.

– Уму непостижимо, – подумала я, – Не канючат, не орут, не путаются под ногами, – ничего из классического репертуара среднестатистического дитяти. Сидят и тихо играют, не пристают к матери с бесконечными «дай», «хочу», «купи», а с успехом довольствуются набором цветных кубиков, собственной комнатой со шведской стенкой и турником, да об-

ществом друг друга. Я вздохнула, думая о моём «сокровище», ожидающим меня дома с надутыми губами, попрощалась с хозяйкой и ушла.

3

Марина сдержала данное самой себе обещание, помогать брату и сестре. Более того, она о нем никогда и не забывала. Поддерживала их, как только могла. Через год после неё, окончил школу брат Эдик. Марина, сама ещё только перешла на второй курс, но настояла, чтобы он поступал в электротехнический колледж. Она уже тогда, каким-то шестым чувством, угадала грядущую востребованность в области программного обеспечения. А Эдику даже в голову не пришло спорить с ней. Если бы его спросили, а чего хочет он сам, парень бы всерьез растерялся. И скорее всего не смог бы ответить. Сестру он не просто обожал, он её боготворил. И вера эта была, как настоящая любовь: истинной, безусловной и всеобъемлющей. Так уж получилось, что главой семьи всегда была Марина. Она даже не помнит, с каких пор. Видимо, с тех самых, как начала себя осознавать. Мать её побаивалась и слушалась беспрекословно. Обосновавшись в городе, Марина жила в тридцати километрах и регулярно приезжала. Иногда она эффектно подкатывала к домику матери на красивых автомобилях заграничного производства. Пока невидимый за тонированными стеклами водитель скромно оставался в машине, проводила рекогносцировку мест-

ности. Загружала в холодильник продукты. Проверяла дневники. Производила личный досмотр. Например, безнадежно увязнув расческой в Юлькиных кудрях, обращаясь к матери недовольно спрашивала:

– Ты когда ей мыла голову? А? – распутывая непослушные пряди у хныкающей сестренки, бросала она на мать негодующий взгляд. Та, испуганно выпрямившись у стены и заискивающе улыбаясь, оправдывалась:

– Да каждую неделю моем, скажи, Юль, – мать прерывисто вздыхала, – Просто волосы такие, как и у отца её, ты же помнишь Артура? Её старшая дочь, морщилась и резко обрывала:

– О, нет, давай обойдемся без твоих воспоминаний! Пожалуйста! Этого только не хватало! – и сразу без перехода, обращаясь к Юльке:

– А ты сама, дылдоха восьмилетняя, когда научишься ухаживать за собой!? Я сколько тебя учила? Ты же девочка, в конце концов!

Прехорошенькая, с оливковыми глазами и золотистой безупречной кожей Юлька, начинала всхлипывать, закрыв лицо руками, которых не было видно из-за струящихся по ним длинных и густых, волнистых, угольно-черных прядей.

– Так, – подымалась с дивана Марина, – Слушайте обе, повторять больше не буду, или следите за волосами, – чуть помедлив, она добавляла, – И за остальным, впрочем, тоже, или подстригаем коротко в следующий же мой приезд,

ясно? Юлька, зарыдав громче, кивала одновременно с матерью. Марина вздохнула, обнимала сестру, которая тут же оплетая её руками и ногами, наконец, затихала, и спрашивала:

– Мне ехать пора, где Эдик? Он исправил двойку по физике? Мать, незаметно втягивая голову в плечи, растерянно улыбалась. Марина, каменея лицом, тихо интересовалась:

– Да ты издеваешься, что ли? Ему поступать через два месяца! Там физика профилирующая дисциплина! Ай, – махала она рукой, – Да кому я объясняю! Скажешь Эдику, чтобы позвонил мне, обязательно. Марина, красивая, яркая и благоухающая впархивала в шикарный автомобиль и уезжала. Мать с Юлькой ещё долго стояли у окна и наблюдали, как искрит в послеполуденном солнце и медленно оседает за уносящейся к горизонту машиной, пыль.

Эдик в колледж поступил. Но учиться почему-то не хотел. А может и хотел, но не получалось. Может, это было не его. Или это был просто такой человек, который не переносил трудностей. Это бывает сплошь и рядом. Подростки, с нарушениями волевой сферы. У них девиз: «Хочу развлекаться!» И больше ничего. Или человек просто вошел не в свою дверь. Теперь уже не важно. Но факт тот, что Эдик с колледжем вытерпели друг друга около полугода. Больше не смогли. Причем оба. Абсолютная взаимная нелюбовь и конфронтация. Тут даже Марина ничего не могла сделать. После Нового года, электротехнический, очень перспективный, вне

всякого сомнения, колледж, в лице многострадальной администрации с большим треском вычистил Эдика из студенческих рядов. К большому и взаимному облегчению. К полнейшему, так сказать, удовлетворению сторон. Когда возмущенной Марине, – отчислить ребенка из неполной, многодетной семьи, находящейся за чертой бедности, мать-инвалид (тут она чуть опережала события, оформлением инвалидности матери она только занималась и вскоре, кстати, добилась), – рассказали о последних художествах, Эдика, она помолчала, кивнула и забрала документы. Но Марина не была бы Мариной, если бы она сдалась на милость обстоятельствам. Не такой она была человек. После основательной головомойки, которую сестра устроила братцу в связи с этим, и в особенности за тот стыд и унижение, испытываемые ею от живописных деталей некоторых его пьяных выходов, у Марины созрел новый план. Она ухватила за фразу зам. директора, о том, что «Эдик, мальчик неглупый, и мог бы учиться хорошо, если бы только захотел» и решила идти в совершенно другом направлении. Она надумала сделать из брата врача. А что!?! Учиться он может, ведь поступил же в колледж. И преподаватели говорят, что он способный. Без колебаний, Марина, чуть ли не за руку, отвела его в больницу по месту жительства и устроила санитаром. Эдик, уже, правда, с гораздо меньшим воодушевлением, но снова беспрекословно повиновался. Марина не говорила ему, что разговаривала с Борей, а тот со своим отцом, и после звонка последнего в

отдел кадров, все ещё несовершеннолетнего юношу приняли на эту должность. Нет, этого она парню не говорила, а зачем? Зато она с воодушевлением расписывала ему все преимущества настоящей ситуации.

– Я все рассчитала, Эд! Все очень просто! – у Марины блестели глаза, она в буквальном смысле уже видела реализованным то, о чем говорила, – Ты сейчас работаешь до лета, потом со справкой, что ты такой молодец и имеешь этот бесценный опыт, легко и красиво поступаешь в медицинский! Эдик хмуро пытался возражать:

– Да не поступлю я, и бабла там знаешь, сколько придётся отвалить?! Марина резко остановилась:

– Все получится, если будешь слушать меня. Боря сделает то, что я попрошу. А его папа сделает всё для сына. Усек? Тут птичка на хвосте весточку доставила, они за бугор уезжать собираются, навсегда, понимаешь?! На ПМЖ! И надо действовать шустрее, пока Борькин отец ещё в силе и при должности, понял? Эдик вяло кивнул. Марина тряхнула его за плечи:

– Ну, ты чего? Разве не хочешь стать врачом? Это же круто, ты только представь! Но смотри, начнешь куролесить опять, на мою помощь можешь больше не рассчитывать. Так и останешься в этом Мухосранске навечно, рядом с мамашей своей...

– Она и твоя мать тоже вообще-то, – буркнул Эдик, – И чего ты постоянно на неё, нормальная она... Слабая просто...

и несчастная ... Марина тяжело вздохнула:

– То-то и оно, – она пристально смотрела на брата, – Понимаешь, у тебя есть реальный шанс вырваться из этого всего, – она неопределенно повела руками, – Стать кем-то, занять достойное место. Помочь своей маме любимой, между прочим, и Юльке тоже, слышишь меня, Эдик?

Самое интересное, что у них всё получилось. Почти. Эдик работал до лета санитаром. И даже тщательно готовился к поступлению. Об этом тоже позаботилась его сестра. Три раза в неделю с ним занимался её приятель аспирант, а по воскресеньям Борис. Справка с места работы, безусловно, тоже прилагалась. А потом Эдуард взял да и поступил в медицинский институт! Может быть и сам, как говорила его сестра, а может и не без помощи некоторых высших сил, как уверяли все остальные. Больше всех этому факту поражался сам Эдик. Но потом что-то пошло не так. Эдика опять накрыло. Да так, что он вылетел оттуда ещё быстрее, чем из колледжа. Причем с Мариной уже никто не беседовал и ничего не объяснял. Да она бы и не хотела. Сама все прекрасно видела и знала. Факты, как говорится, на лицо. А в случае с её братом, так сплошь и рядом на лице. Эдика все больше несло на лихих алкогольных парусах непосредственно в синюю бездну. Марина забеспокоилась до такой степени, что еле дождалась календарного окончания зимы, побежала в военкомат. Узнавать, где повестка на такого-то, не потерялась ли slučajем, не забыли ли, чего доброго, о юноше впол-

не призывного возраста, мечтающем исполнить свой гражданский долг и почетную обязанность? В военкомате Марину успокоили и ответственно заявили, что, мол, не беспокойтесь, гражданка, никто не забыт, а всему своё время. И указанный вами товарищ данного месяца и года рождения, скорее всего, отправится проживать свои армейские будни, в чудные дни осеннего призыва.

Так, надо сказать, и произошло. Осенью Эдика забрали в армию, но в это время Марина закружилась с будущим мужем Сергеем в осеннем вальсе любви и подробности этого события, если и всплывали в её памяти, то весьма туманно и расплывчато. К тому же, за последнее время, брат успел здорово потрепать ей нервы, так что она вслед за колледжем и институтом, без малейших колебаний и угрызений совести, вздохнула с облегчением и даже не помахала рукой младшему брату вослед. Как рассказывала Марина потом нам со Светкой, она и на призывной участок явилась только для того, чтобы убедиться своими глазами, что он благополучно отбыл к месту службы и хоть на какое-то время этот груз по имени Эдик, свалился с её хрупких плеч. Но не так, чтобы надолго. Через два года брат вернулся, и надо было срочно что-то решать. Оставлять у матери его было нельзя. В маленьком городке работы не было. Марина справедливо опасалась, что здесь он ещё больше пустится во все тяжкие.

– А что там ещё делать? – задавала она нам риторический вопрос. И Марина начала действовать. Выяснила у матери

географическое, социальное и материальное положение отца Эдика, единственного из всех троих законного её мужа, навела кое-какие справки, получила консультацию юриста. Оставшись весьма довольной собранным материалом, в один чудесный летний день, Марина взяла да и набрала телефон совершенно не готового к такому жизненному виражу папы Эдика. Марина рассказала кто она, с участием расспрашивала о его здоровье, интересовалась планами на будущее. Когда папа стал заметно нервничать, вежливо спросила, что, по его мнению, лучше: договориться полюбовно, так сказать, на берегу или предоставить дело на усмотрение суда? Ещё она хотела бы знать, каково это иметь задолженность по алиментам более чем в тринадцать лет и всю дорогу прятаться от родного сына? Чем больше она говорила, тем явственнее звучал в её голос металл.

– И все-таки хотелось бы знать, как ты себя чувствуешь, сидя одной задницей сразу в трех квартирах? Между тем, как твоя бывшая жена сейчас инвалид, а единственный сын почти бомж? Расскажешь, как бабушкина дача? Удачно загнал? С нами не хотел посоветоваться, а? Тем более учитывая, что это наследство твоей бывшей жены?

Папа ничего вразумительного не отвечал. Неизвестно почему. Может, был удивлен такой осведомленностью бывшей падчерицы некоторыми деталями своей личной жизни, а может, застигнутый врасплох, думал, как лучше повести себя в данных обстоятельствах. Марина ещё немного с ним побол-

тала. Рассказала о юридических аспектах вопроса. А именно, что у Эдуарда есть законное право даже после совершеннолетия подать иск и требовать от отца выплаты алиментов, по меньшей мере, за три последних года. И можешь не сомневаться, – подвела итог Марина в конце разговора, – Он этим правом воспользуется, – только по сопению в трубке можно было догадаться, что отец Эдика ещё здесь, – Я хочу, чтобы до тебя дошло, что я не твоя бывшая жена, я не стану верить обещаниям и рассказням о тяжелой жизненной ситуации, – Марина сделала паузу и закончила:

– И я не судебный пристав, убежать и прятаться не советую, хотя, думаю, у тебя и не выйдет.

Неизвестно, приступила Марина от словесных разъяснений к практическим действиям или нет. Нам она сказала, что визит папе нанесла только однажды. Но ездила на эту встречу не одна, а с тщательно подготовленными Сергеем и Эдиком. Как бы то ни было, через три месяца её младший брат въехал в однокомнатную квартиру. Правда на окраине города и без ремонта, но зато в свою персональную жилплощадь! Эдик, у которого и своей комнаты-то никогда не было, чуть не сошел с ума от радости. За полгода до армии, Марине удалось взять для брата направление военкомата на обучение водительской специальности. Из всего того, что в отношении своего брата предпринимала Марина, эти усилия были не только наименее хлопотны и затратны, но и наиболее оправданы. У Эдика обнаружились явные способности, как

к управлению различными транспортными средствами, так и к их ремонту любого уровня сложности. Благодаря этому, он уже вполне самостоятельно устроился автомехаником на одной из станций технического обслуживания. Вскоре Эдик женился, через год стал отцом. Я как-то видела их на очередном праздновании дня рождения Марины. В их доме часто собирались гости. Марина любила торжества и делала это с большим вкусом и размахом. Одна из любимейших её ролей – образ радушной и гостеприимной хозяйки. И надо признать была она в этой ипостаси великолепна и блистательна. Я помню такой знакомый взгляд, который жена Эдика, застенчивая, худенькая девушка бросала на Марину. В нем было все: обожание, преклонение и готовность служить. Светка, будто зная, о чем я думаю, шепнула мне:

– Спорим, Эдик женился только с одобрения Маринишны? Так мы между собой иногда называли Марину, используя это, слегка ехидное производное от королевишны, краставишны и пр.

– Даже не буду спорить, – улыбнулась я, – И скажу больше, эта бедная овечка прошла жесточайшую проверку, которую лучезарно улыбаясь и рассыпая жемчуг и бисер, ей устроила будущая золовка. Светка рассмеялась и притворно закатила глаза:

– О чем ты говоришь! Уверена, что этой проверки, та даже не заметила.

Нас, пожалуй, можно было бы упрекнуть в отсутствии ис-

кренности во взаимоотношениях, да и в том, что мы, в принципе, не были хорошими подругами. Но здесь причина заключалась не в подлости человеческой натуры в целом, и даже не в фантомности женской дружбы вообще, а скорее в том, что и у меня, а ещё чаще у Светки, уже происходили, так называемые, моменты истины в отношении Марины. Очень многое узнаешь друг о друге, если иногда встречаешься с подружками за бокалом вина, а девичник растягивается до трех часов ночи, и на каком-то этапе превращается во взаимную, исповедально-пронзительную терапию. Или если вместе со своей дочкой, забираешь вечером мальчишек своей подруги с улицы домой, так как её все нет, а отец в командировке. Или когда неожиданно, прямо с застолья, вдруг едешь с ней на пару дней в горы, куда её пригласил отдохнуть таинственный и щедрый поклонник. Когда вздрагиваешь и не знаешь, куда тебе деться в ужасно неловкой ситуации, в которую тебя вгоняет её грубый и бесцеремонный разговор с матерью по телефону. Это жуткий диалог хама-командира с робким и бесправным новобранцем, где тебе невольно предоставляется весьма сомнительное удовольствие слышать реплики исключительно командира. Так вот тогда многое проясняется. Когда на твоих глазах происходят радостные и печальные, счастливые и трагические события в жизни твоей приятельницы-соседки, то поневоле, все лучше узнаёшь человека. Даже если изначально ты не задавалась такой целью. Черты его личности становятся более выпук-

лыми и объемными. Открываются, порой, такие грани, о которых ты и не подозревала. Потому что невозможно держать лицо и спину 24 часа. И маску тоже иногда приходится снимать. Хотя бы для того, чтобы протереть под ней уставшую родную кожу.

Очень скоро Эдик начал пить. Хотя если говорить начистоту, он никогда этого занятия и не прекращал. Но в тот страшный год пил Маринин брат особенно тяжело и много. Он неплохо зарабатывал и был на хорошем счету. Но чем успешнее шли его дела, тем сложнее с ним было дома. Мы поняли, что дело совсем плохо, когда узнали, что жена Эдика объявила Марине, что подаёт на развод. Собравшись опять у кого-то из нас, Марина с возмущением говорила:

– И кто, подумать только, начинает вякать? Вот это забитое, деревенское, полуграмотное создание, которое я терпеливо учила всему буквально! Она же ничего не умела! – Марина в недоумении качает головой, – Кто там ею занимался в этом богом забытом клоповнике, где до сих пор одни валенки на пятерых... Да у неё элементарных навыков не было, – здесь Марина с нервным смехом иллюстрирует свой рассказ некоторыми физиологическими подробностями, касающимися женской гигиены. Убедившись, что примеры интимного свойства возымели своё действие, Марина продолжает:

– Рассказывала, как одеваться, как говорить, как вести себя с мужем... И вот теперь, отмытая мною лично и научен-

ная всему, эта мерзавка, спокойно так мне заявляет: «Подаю на развод!» Представляете, девчонки, моё состояние? Бедный Эдик! Светка неуверенно вставляет:

– Марин, так ведь он пьёт, не просыхает, ты ж сама говорила... Марина, будто этого только и ждала, с места в карьер, заводится:

– И что, Света! А кто не пьёт?! Сразу разводиться бежать! Да, выпивает, не спорю, он устаёт... Работает много, зарабатывает, между прочим. А она дома сидит, как клуша, на всем готовом, хотя ребенку уже три года. Марина закурила, а мы со Светкой переглянулись, – сыновьям Марины было уже по пять лет, и она тоже весьма комфортно чувствовала себя в роли домохозяйки. Эффектно выпустив дым, Марина задумчиво произнесла:

– Разделить квартирку эту не получится, что там делить: 30 квадратных метров, но если она думает, что ей удастся выселить моего брата с квартиры, то она сильно ошибается. Не для этой гусыни я её выбивала у того мудака, Эдькиного папаши.

Но все произошло совсем не так. Случилось то, что изменить или хоть как-то подправить уже было невозможно. Эдика никто из квартиры не выселял. Он себя выселил сам. Причем не только из квартиры, но и из жизни тоже. Марина с каким-то почти маниакальным упорством по крупинкам, скрупулезно и последовательно восстанавливала события того ужасного дня. После очередной ссоры, во время ко-

торой Эдик, с белыми от ненависти глазами, в пьяном безумии, избил жену, она дождалась, когда он отключится, взяла ребенка и ушла из дома. Дальше, как объяснили Марине компетентные органы, события, видимо, приняли такой оборот. Очнувшись, и не найдя жены с дочкой, Эдик пришел в ярость. Об этом говорили следы разгрома в полусгоревшей квартире. Затем Маринин брат допил бутылку водки, и, скорее всего, когда закуривал, каким-то образом поджег себя. В следственном комитете Марине сообщили, что Эдик был в рабочей одежде, на которой присутствовали следы бензина, что, в конечном итоге, и явилось причиной такого мгновенного возгорания. За несколько секунд превратившись в живой факел, обезумевший от боли и ужаса Эдик, начал метаться по квартире, а потом, когда огонь по тюлевым занавескам и тяжелым шторам взметнулся к потолку, выскочил на балкон и упал с шестого этажа.

4

Когда младшая сестра Юля перешла в девятый класс, Марина забрала её к себе в город. Её муж смастерил изящную перегородку, которая территориально, хотя и весьма условно, разделяла детскую комнату на две части. В левой, меньшей части устроилась Юля, в соседней – близнецы Владик и Славик. Официальных причин для таких изменений было две: нужно подтянуть учебу, иначе девчонка никуда не сможет поступить, и модельное агентство, куда Юля с удовольствием начала ходить, и которого, разумеется, не было,

да и не могло быть, в городке её детства. Из источников же неофициальных, ходили устойчивые слухи, что повышение качества школьного образования вкупе с модельным предприятием здесь совершенно не причём, а все дело в массовой драке и даже поножовщине, причиной которой и стала четырнадцатилетняя Юлька. Печальный итог этого: трое её земляков 15, 16 и 17 лет, соответственно, оказались в больнице с ранениями средней тяжести, а один – на кладбище.

Мелькнувший яркой, но скоротечной кометой в слабывыдающейся жизни Юлькиной матери, грузинский еврей – Артур, легкомысленно, практически на бегу, кинул своё подвижное и живительное семя, нисколько не озаботившись, ни тогда, ни впоследствии, его дальнейшей судьбой. И семя это дало крепкий росток в виде прелестной девочки Юлии.

Сёстры души не чаяли друг в друге, это было видно невооруженным глазом. Хотя Марину застать врасплох даже таким эфемерным, и слабо контролируемым понятиям, как чувства было весьма затруднительно, или вообще невозможно. Что всегда отличало Марину от абсолютного большинства других представительниц слабого пола, так это умение контролировать свои эмоции. Как-то она призналась мне, что постоянно совершенствует эти навыки. – Понимаешь, – объясняла Марина, – Очень важно не дать чувствам захватить разум, так как начнется бардак и хаос. Она с улыбкой посмотрела на меня, – Хотя в твоей психологии, все ровно наоборот, так ведь? Марина усмехнулась, – Говорите о сво-

их чувствах! Не сдерживайте эмоции и выпускайте пар! Бла, бла, бла... Чушь собачья! Я тебе вот что скажу, хотя я и не психолог, – давать чувствам волю, это как выпустить джина из бутылки: заманчиво, но не безопасно. И самое-то главное, назад его вряд ли засунешь! Чувства должны служить достижению твоей цели. Если этого нет, а часто они этому самому достижению ещё и здорово мешают, то и держи их в бутылке, то есть в узде, – Тут и говорить не о чем!

Марина поглядывала на юную и кокетливую сестренку и понимала, что нужно что-то решать. Жить в доме с этим очаровательным, но весьма легкомысленным созданием себе дороже. Это все равно, что держать у себя под подушкой мину замедленного действия. Так размышляла Марина и начала кое-что предпринимать. Ведь она была человеком действия. Обозначив цель – изучала, выясняла, анализировала, все, что имело или могло иметь к ней отношение, разбивала цель на этапы, этапы на действия и после этого уже шла вперед, не оглядываясь, не сомневаясь и не устраивая привалов. До победного конца. Так же она поступила и в этой ситуации. Как уже говорилось, Юля занималась в школе моделей и, надо сказать, с гораздо большим успехом, чем, например, в общеобразовательной. И Марине в определенный момент стало абсолютно ясно, в каком направлении следует двигаться. Через полгода она нашла сестре контракт на работу моделью в Шанхае и даже самостоятельно заключила его с китайской стороной. По этому поводу и по случаю

дня рождения своей любимой младшей сестренки, Марина устроила великолепный банкет в прекрасном ресторане на берегу озера. Их с Юлей мать тоже присутствовала. Я видела худую заплаканную женщину, все ещё не снявшей траура по погибшему сыну. Застыв с неестественно прямой спиной, не прикоснувшись ни к чему за щедро накрытым столом, она с отчаянием в глазах смотрела на улыбающуюся Юльку. Мне стало не по себе, и я решила выйти на свежий воздух. Заметив недалеко уютную беседку, направилась к ней. Наслаждаясь вечерней прохладой, я, тем не менее, не переставала думать об этой женщине. Вскоре мне стала ясна причина этого наваждения. Видимо, и она сама, и её черный платок, и старомодное унылое платье и, главное, этот, исполненный мукой взгляд в сторону младшей дочери, все шло вразрез с окружающей обстановкой и конфликтовало с ней. Эта женщина была там явно не к месту и все, в том числе, и она сама это понимали. Одно её присутствие лучше всяких слов говорило, что несчастье, потери и смерть вовсе не какие-то далекие абстрактные понятия, а вполне реальные вещи. И находятся рядом с нами. А иногда даже слишком близко. Но думать об этом, особенно в такой вечер и в такой праздничной, нарядной атмосфере никому не хотелось.

Возвращаться в ресторане не было никакого желания, и я подумывала, как бы лучше улизнуть. В идеале, конечно, прямо сейчас, по-английски, но контуженая совесть шипела, чтобы я, имея в запасе более-менее веский предлог для

убытия, по крайней мере, поблагодарила хозяйку. Собираясь выйти из беседки, я увидела, как на подъездной дорожке остановилось такси. Через минуту показался Борис, провожающий к автомобилю мать своей любимой женщины. Та сквозь слезы говорила:

– Да что же это, Боря, я ведь даже попрощаться не успела толком с Юленькой. Растерянный и суеющийся Борис, мягко отвечал:

– А может оно и к лучшему, тётъ Наташ, а? Ни к чему это... Ну, правда, долгие проводы, лишние слезы... Женщина помотала головой и остановилась у машины, прижав ко рту платок:

– Это же надо, моя дочь при всех заявляет: «Выведи, ты её, Борька, такси приехало, нам истерик тут только не хватало...», – она взяла Бориса за руку, и горячо проговорила:

– Беги от неё, сынок, ты думаешь, я не понимаю ничего? Я все понимаю и вижу тоже все! Эдика уже нет, с Юлькой, я знаю, что тоже не свидимся, она и до тебя доберется, верь мне, сынок.

Борис, с побелевшими губами, открыл заднюю дверь и усадил её.

– Вы ошибаетесь, Наталья Ивановна. Если вы так думаете, вы совсем не знаете Марины... Как она любила Эдика, и как сестру обожает. И сколько делает для семьи... Шофер завел мотор. Наталья Ивановна, перебивая Борю, крикнула срывающимся голосом в окно:

– Пропадешь, сынок! Послушай меня, уезжай к своим пока не поздно! Ты хороший, добрый, но слепой... А незрячий ты, как и Сережа, оттого, что любишь безоглядно... Машина уехала, а мы с Борисом все стояли по обеим сторонам дороги и обескуражено смотрели ей вслед, а затем друг на друга. Он улыбнулся мне какой-то слабой, беспомощной улыбкой, и сказал:

– Бедная женщина, ну, конечно, сына потерять, а тут ещё дочь уезжает в чужую страну... Боря пожал плечами, – Сама не понимает, что говорит...

Через неделю после того, как Юля встретила своё шестнадцатилетие, она улетела в Китай.

5

Когда Марина увидела в дверях Алика и Юру, сослуживцев мужа, она поняла всё и сразу. Она попятилась вглубь квартиры, закрывая себе ладонью рот. Юра, с серым лицом, потоптался в коридоре и, запинаясь, произнес:

– Марина... Сергей...

Она остановилась, посмотрела на них неестественно блестящими глазами и четко произнесла:

– Уходите, прошу вас, – и вытянув протестующе вперед руку, когда Алик, сделал к ней шаг, добавила:

– Немедленно...

В тот день Светка позвонила мне и закричала в трубку:

– Серега Маринкин разбился, представляешь?! Парашют не раскрылся, а запаска почему-то не сработала, ты слы-

шишь меня?! Он на полметра в землю ушел!

После разговора с командиром части внутри у Марины ледяной комок стал ещё больше. Он давил на грудь, ребра и постепенно стекал в желудок. Она ничего не чувствовала, кроме усталости и раздражения. Женщина не могла понять чего хотят от неё все эти люди. Её муж погиб во время занятий по боевой подготовке, совершая очередной рядовой прыжок с вертолета МИ-8 на высоте 700 метров при самых благоприятных погодных условиях. Ей это было известно. Да, она знает, что за плечами у мужа сотни прыжков и звание «инструктор-парашютист». Что ж и на старуху бывает проруха. Она даже не старалась вникнуть в то, что ей говорил командир и товарищи Сергея. – Только не сейчас, – умоляла она, – Не сегодня. Она не может больше слышать эти версии про отказ основного парашюта, который, возможно, произошел из-за того, что карабин не зацепился за трос принудительного раскрытия. Или выслушивать бредовые идеи о том, что парашют, возможно, был неправильно уложен. Это у Сергея?! Который лично обучил столько бойцов и имел бесчисленное количество летных часов выпускающим? Который столько лет помогал, контролировал, настраивал и являлся примером?! Да у него за пятнадцать лет службы ни одного несчастного случая! Он парашютное дело, его теорию и практику, знал лучше, чем свои паспортные данные.

Марина просто хотела, чтобы её с детьми оставили в покое. И, по возможности, перестали мусолить имя Сергея.

Она об этом так и сказала. И командиру в том числе. Он в ответ, направляясь к выходу, заверил, что возьмет под личную ответственность и примет самое непосредственное участие в тщательном расследовании всех обстоятельств этой трагедии. Марина рассеянно кивнула и закрыла дверь.

Именно на поминках я узнала, что Алик прыгал за Сергеем и вообще был последним, кто видел его в живых. – Я смотрю, – возбужденно говорил он Светке, которая работала в этой же части, – У него купол основного не вышел и времени совсем мало остаётся, – Алик внимательно глянул на двух-трех подошедших людей и откашлялся. – Я ему ору, показываю, мол, открывайся, выпускай запаску, не жди, а он улыбается и кивает головой, типа, всё норм, не психуй, – он выпил залпом рюмку водки, обвел присутствующих воспаленными глазами и перешел на шепот:

– Вы понимаете, что это не несчастный случай, – Алик провел по волосам, поднял и снова опустил пустую рюмку, – Я же летел за ним и пусть недолго, но четко видел, что он и не пытался ничего сделать, – Алик оглянулся, замолчал, налил себе и снова залпом выпил. Юра, который тоже сидел рядом, наклонился к нему и что-то очень тихо шепнул. Алик выпрямился, снова озираясь и бормоча:

– И что с того... Нельзя же молчать... Да у меня, я ж тебе говорил, третьи сутки лицо его перед глазами стоит... И эта улыбка его... Как жить теперь с этим? Юрий, строго глядя на Алика, отрицательно, даже с некоторой укоризной, мед-

ленно покачал головой. Мы все, не сговариваясь, посмотрели на Марину. Но даже если кто-то из нас и переживал, что она может что-то услышать, это было совершенно напрасно. Марина сидела равнодушная, отстраненная и холодная, как снежная королева. Сходство добавлял и невысокий щуплый Боря, сидящий от неё по левую руку и с преданностью Кая заглядывающий ей в глаза. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, насколько она далека от места, в котором сейчас находится.

Словно почувствовав что-то, Марина посмотрела в нашу сторону. Но при этом никого не видела. Она смотрела куда-то, что находилось явно за пределами этого небольшого зала. Вглядывалась сквозь нас, будто старалась разглядеть что-то очень важное. И не могла или не знала как это сделать. В голове снова и снова возникал эпизод их с мужем ссоры накануне его гибели. И не сама размолвка, она была пустяковой, Марина даже не помнила, с чего все началось. Сережа задал какой-то вопрос, она резко ответила. Или ему так показалось. Он побледнел и настаивал на объяснении, она посоветовала ему не заниматься ерундой. А затем погладила по щеке и поинтересовалась, не опоздает ли он на службу. Но совсем не это беспокоило её. А его фраза, которую он произнес уже стоя в дверях:

– Знаешь, – сказал он каким-то неестественно веселым голосом, – Ты, очень похожа на любимый твой зелёный мед: утонченно, элегантно, изысканно, а как распробуешь, пони-

маешь – не то, – лицо Сергея застыло в какой-то жуткой гримасе, – Пустышка, – рассмеялся он смехом, от которого у неё и сейчас ползли по спине мурашки, – Фикция!

После этого, я в течение целого года видела Марину редко. По разным причинам. Для нас обеих, наверное, это было бы тяжело, я, например, до сих пор теряюсь и не знаю, что следует говорить в таких случаях, К тому же, мне казалось, что и она сама не очень стремится к общению. Но иногда мы все-таки виделись, хотя бы потому, что наши дети пошли в одну школу. Марина была приветлива, мила и доброжелательна. Но не более. Мы коротко и обтекаемо говорили о школьных трудностях наших первоклассников, моей новой работе и о недавней её поездке в Китай, к сестре. После чего расставались, как дружелюбные, но едва знакомые друг с другом соседи. Лично я пребывала в абсолютной уверенности, что такими наши взаимоотношения и останутся. И была готова к этому. Более того, после трагических происшествий, коснувшихся её семьи, мне даже казалось, что это весьма логично и вполне объяснимо. Но, как стало ясно впоследствии, это только лишний раз доказывало, во-первых, насколько плохо я знала эту женщину, а во-вторых, что не стоит мерить всех людей по себе.

Она позвонила за день до годовщины смерти её мужа и уверенным, звонким голосом прежней Марины, не допускающей и мысли о возможном отказе, сообщила о завтрашнем мероприятии. Я что-то начала уточнять, Марина остановила

меня:

– Зай, ужасно спешу, всё потом, ок? Короче, в три часа, форма одежды – походно-спортивная. Вы со Светкой едете в машине Бориса. Я с Сережиным братом, Аликом и его женой, еду раньше, – Марина выдохнула, и, спохватившись, добавила:

– Шапку возьми, ну или косынку, мы же будем в поле...

–???

– Я говорю, что поминки будут на летном поле возле аэродрома, где Сергей разбился...

На следующий день, глядя на подъезжающую машину Бориса, Светка вполголоса проговорила:

– И кому это нужно? Я вопросительно посмотрела на неё, и она нехотя пояснила:

– Да вот эта показуха вся... Поминки эти...

– Свет..., – начала я, но она меня перебила и с какой-то злобной тоской в голосе добавила:

– Гуляла до Сергея, гуляла при нём, гуляет и сейчас... Живет, понимаешь, человек в своё удовольствие, в полной уверенности, что мир крутится вокруг неё, так как она и есть центр всего мироздания...

После этого мы снова регулярно встречались, как в старые добрые времена. Чаще всего это происходило у кого-нибудь из нас за столом, когда мы отмечали текущий календарный праздник, очередную годовщину, дни рождения или собирались просто так, потому что захотелось, накипело, «и нет,

девчонки, больше сил». Иногда, чаще всего не очень большой компанией куда-нибудь выезжали.

Марина прекрасно выглядела, была свежа, подтянута и остроумна. Впрочем, я не помню случая, когда бы это было не так. И, как всегда, находилась в центре внимания. Справедливости ради, надо заметить, что это было вполне оправдано. Она оказывалась всегда к месту и ко времени. Яркая, толковая, остроумная и неутомимая, как универсальный солдат. Являясь центром притяжения всегда и повсюду, она, тем не менее, вызывала раздражение крайне редко. Даже у женщин. У неё было много подруг. Она, например, была очень дружна с Ритой, женой Алика, хотя все знали, что он слишком явно не равнодушен к Марине. Я никогда не слышала от неё пошлостей или даже самой невинной глупости, хотя как раз ей это, разумеется, простилось бы немедленно и до скончания века. Что и говорить, Марина действительно притягивала взгляды, как мужчин, так и женщин. На неё смотрели чаще и слушали гораздо внимательнее, чем остальных. Мне иногда казалось, что она в состоянии поддерживать любой разговор и говорить на любую тему увлеченно, с живым интересом и отличным знанием дела. Помню, как с кем-то из мужчин, она детально обсуждала вопросы автоэлектрики. И этот взрослый мужик, водитель с двадцатилетним стажем, не только внимательно слушал её, кивая головой, но ещё и задавал уточняющие вопросы. Его дочка интересовалась её мнением по поводу организации сва-

дебного вечера. Светка неосознанно копировала её манеру с небрежным изяществом носить шейные платки, коих у Марины имелось бесчисленное множество, и держать сигарету широко на отлёте руки, запрокинув и чуть наклонив в сторону голову. А однажды я была свидетельницей, как Марина диктовала кому-то в телефон свой фирменный рецепт приготовления капусты «Провансаль».

Она не работала, так как кроме разовых компенсационных выплат, получала за Сергея пенсию на себя и детей. Но дома Марина тоже не сидела, все время была чем-то занята: постоянно куда-то ездила, с кем-то встречалась, что-то предпринимала. Однажды, когда я возвращалась с работы, возле меня притормозил огромный, черный джип. Я совершенно не разбираюсь в марках автомобилей, поэтому не знаю точно, что это была за машина. Но была она по моему, весьма неискушенному мнению, настолько же роскошна, сколь и чудовищна. Мне показалось, что когда она остановилась возле меня, то слегка даже фыркнула высокомерно. Уверена, что и на дороге этот лакированный, блестящий монстр, с ещё большим презрением относится ко всем без исключения участникам движения. Так и вижу, как он мчится по скоростной трассе и из отвращения и страха оскорбить свой благородный вкус, в совершенстве овладел искусством даже случайно не замечать проезжающие автомобили. Из глубины кожаного салона выпорхнула смеющаяся Марина. Сначала я её даже не узнала, настолько она была ослепительна. Ма-

линовый брючный костюм с открытой безупречной спиной, взбитые на макушке и уложенные в прическу «Бабетта» платиновые локоны и замшевые шпильки невероятного бардового оттенка. Сияющие глаза и ярко-красная, в тон костюму помада дополняли её блистательный образ. Марина была живым воплощением красоты, счастья, успеха и роскоши. Я бы не удивилась, если б оказалось, что она в данное время снимается в брендовой рекламе автомобиля, обуви, косметической фирмы, да чего угодно. Странно, кстати, что никому это так и не пришло в голову. Мне стало неловко за свои пыльные туфли и дешевую синтетическую блузку. Марина настояла на том, чтобы меня подвезти. Я этого не хотела, но почему-то села в машину. Из-за того, что опять получилось все так, как хочет она, настроение у меня испортилось окончательно. Я знала, это происходит от того, что она сильная, а я слабая. Но от этого, как не трудно догадаться, легче не становится. У неё было необъяснимое, но определенное и весьма значительное влияние на людей. Она умела их подчинять своей воле. Причем делала это столь талантливо и обворожительно, что многие никакого давления вовсе не замечали. Всегда стремилась к победе, но заранее готовилась к поражению. А значит, всегда побеждала. Ведь известно, что того, кто признал себя побежденным одолеть невозможно.

– Батыр, – представила она водителя и назвала ему моё имя. Мощный бритый затылок с тремя толстыми складками дважды кивнул. Машина нежно заиграла, разбежалась по па-

нели цветными огоньками и бесшумно тронулась. Подъехав к нашему дому, Марина, обернувшись ко мне, спросила:

– Ты чего? За время десятиминутной поездки моё раздражение и недовольство испарились полностью. И сидя в обволакивающем, убаюкивающем кресле повышенной мегакомфортности, созданном какими-то сверхлюдьми из вселенской любви к человеку, я еле выдавила:

– Господи, можно тут пожить немного?... Марина расхоталась, а затылок даже сделал попытку развернуться, но тут же передумал и просто ещё раз кивнул, в знак того, что тоже оценил шутку.

– Слушай, давайте посидим у меня сегодня? Батырчик угощает... Правда, Батик? – хрустально-колокольчиковым голосом спросила Марина. Очередной кивок великолепного затылка и нетерпеливый скрип, обтянутых в кожу мощных плечей о спинку фантастического кресла.

– Решено! – заключила Марина, когда я открыла дверцу, – Давайте подтягивайтесь ко мне со Светкой часа через два, – последние слова Марина уже произнесла, скользнув правой рукой по бедру мужчины, а левую положив на то место, где анатомически должна бы находиться шея, но у Батыра его феноменальный загривок без всякого различимого глазу перехода органично и плавно стекал к плечам и составлял единое целое с остальным торсом.

6

– Зачем она этот спектакль устраивает опять? – недоволь-

но шипела мне Светка, когда мы с ней спускались по лестнице, – Ты можешь мне объяснить?

– Свет, ну просит человек, что ты, в самом деле? Мать умерла, надо помочь...

Светка, тяжело выдохнула и остановилась:

– Нет, я, конечно, все понимаю, но тащить нас в ту глухомань, чтобы помочь разобраться с личными вещами покойной, это знаешь..., – Света покачала головой и взмахнула пухлой ладошкой, – Не знаю, это уже даже для неё перебор, – она протяжно вздохнула, – По-моему, это семейное дело, у неё все-таки сестра есть, родственники какие-никакие наверняка имеются... – Светка недовольно засопела, – Борис вечный и преданный, в конце концов...

Я поняла, что если не принять меры, конца этому не будет, поэтому, остановившись, внимательно посмотрела на неё и сказала:

– Послушай, ты ведь тоже с Мариной говорила и согласилась приехать, так ведь? Сама, между прочим, никто тебя не заставлял, так что же ты сейчас начинаешь? Светка недовольно проворчала:

– Сама... сама... Как ей откажешь-то? Ты, будто, не знаешь?!

Я сделала паузу, выдохнула и уже другим тоном произнесла:

– Её можно понять, она хочет быстрее разобраться с вещами и мебелью, чтобы не ночевать одной в доме матери. Ей

не к кому больше и обратиться-то...

Мы, наконец, вышли из подъезда и сразу увидели Борину машину. Я махнула головой в ту сторону и добавила:

– Видишь, и машину с шофером за нами уже прислали... А сестра её так и не приехала... Марина говорит, что их отношения совсем испортились... с тех пор, как Юля вышла из клиники...

Обратно возвращались уже поздним вечером. Я чувствовала невыразимую усталость и что-то ещё, плохо объяснимое. Какую-то опустошенность что ли.

Марина с сыновьями тоже возвращалась домой, поэтому сейчас в Бориной машине было тесновато. Борис свернул на заправку, Марина, сидевшая у окна, протянула недовольно:

– Боря, неужели трудно было позаботиться об этом заранее? Борис, обернувшись, улыбнулся привычно и виновато:

– Не успел, Мариш, прости. Я смотрела на освещенного светом фар, бледного, уставшего и совершенно незаменимого в течение всей Мариной жизни человека и размышляла, думает ли она, хоть иногда, о Боре, как об отдельной автономной личности? Или считает, что он приставлен к ней пожизненно некими высшими силами? А может, – продолжала я задаваться бессмысленными вопросами, – Марина воспринимает это, не просто, как должное, а, возможно, и как некую милость с её стороны, позволяя за годы безупречной преданности находиться возле неё и служить? Интересно, она знает, хотя бы примерно, во сколько Боре обошлись похороны

её матери? А сколько он заплатил этой тетке, которая будет заниматься продажей дома? Уверена, что ей даже в голову не пришло задуматься хоть когда-нибудь о таких пустяках.

Как-то мы с ним разговорились, и я с жаром начала объяснять ему, что он находится по собственной воле в деструктивных, зависимых отношениях. Я загибала пальцы: так и не завел семью, будучи талантливым музыкантом, застрял в рядовых преподавателях всё в том же Институте культуры и постоянно живет в ожидании того, когда он в очередной раз понадобится Марине. Когда мне показалось, что мои доводы и примеры не кажутся ему серьёзными и убедительными, я, довольно жестко, резюмировала:

– Ты умный, самодостаточный мужчина, почему же ты ведёшь себя, как законченный невротик? Жизнь гораздо больше, чем любовь. Тем более, то, что ты испытываешь к Марине, ничего общего с любовью не имеет. Ты же не можешь не понимать, что у ваших токсичных отношений нет будущего?

Боря посмотрел на меня с улыбкой, пожал плечами и ответил:

– У меня просто нет выбора...

После этих слов, я чуть не взорвалась:

– Да как это нет выбора? Выбор есть всегда... Боря остановил меня, легонько сжав мою руку:

– Ты думаешь, я не пытался? Когда ездил к своим в Израиль, чуть не женился ведь. ... Но понял, что не смогу...

– Да что не сможешь- то, Господи? – простонала я.

– Я просто не смогу без неё жить, – Боря снова улыбнулся, – В моём случае, уверяю тебя, нет в этой пошлой и избитой фразе никакого пафоса,

– Физически не смогу, понимаешь? – он похлопал меня по руке и вышел.

Я посмотрела на часы: половина двенадцатого ночи. Я прикидывала, во сколько мы вернемся, и удастся ли поспать хоть пару часов перед тем, как зазвонит будильник. Светка дремала впереди. Маринино лицо эффектно смотрелось в мелькавших за окном дорожных отблесках. На голове у неё причудливым образом был завязан платок, и в неверном полуночном свете её образ сейчас напоминал широко растираженный профиль царицы Нефертити.

Межу нами сидели её тринадцатилетние близнецы. Владик сосредоточенно рассматривал что-то за окном, а Славик, привалившись к нему, крепко спал. Я никогда так и не научилась их различать. Не знаю, насколько хорошо это получалось у их матери, потому что и одного и второго, она называла не иначе, как «Муля». Насколько похожи эти дети внешне, настолько разные у них характеры. Владик очень активный, хулиганистый и общительный. Его брат, наоборот, молчаливый, рассудительный и спокойный. На Владика постоянно жаловались соседи и учителя, а Славика хвалили и ставили в пример. Тем не менее, они были очень дружны, что на самом деле, не так уж и часто среди близнецов, как может показаться. Мальчишки довольно своеобразные, по их пове-

дению нельзя было даже предположить, что они чувствуют в данный момент. Владик и Славик абсолютно замкнуты на себе и ещё немного на своей матери. Хотя и совершенно непонятно было их отношение к ней. Я только знаю, что когда, она произносила сразной тональностью, в зависимости от ситуации, – Муля! – её просьбы, распоряжения и инструкции доходили до сознания незамедлительно. В отсутствии второго, каждый из Марининых детей словно терялся, не знал, как себя вести и очень скоро начинал испытывать просто физический дискомфорт. Даже, на первый взгляд, разговорчивый и открытый Владик, мгновенно замыкался или уходил в дурашливость, когда обращались непосредственно к нему, без привязки к его брату или матери. Славик не утруждал себя и этим. Он безмолвно смотрел на человека отсутствующим взглядом, затем потерянно озирался, в поисках брата и при малейшей же возможности немедленно ретировался. С раннего возраста они часто оставались вдвоём, поэтому были вполне самостоятельными. С двенадцати лет уже подрабатывали, сначала мойкой автомобилей, потом на стройке. Марина к этому не принуждала, хотя и не запрещала. Когда Светка поинтересовалась у неё, мол, не рано ли, Марина пожав плечами отрезала:

– Нет! Они растут, хочется и то, и другое, а пенсия за отца копеечная. К тому же, я одна, и я женщина, в конце концов, мне тяжело. Я сыновьям давно сказала, что им уже не по три года, хочется новый телефон или ролики, пожалуйста! Иди-

те, заработайте и покупайте на здоровье.

Я опять боковым зрением посмотрела на Марину. Она сидела, обхватив руками коробку и глядя в окно: красивая, спокойная и бесстрастная. Не верилось, что ещё пару часов назад эта женщина горько плакала, абсолютно по-бабьи, завывая, протяжно всхлипывая и раскачиваясь из стороны в сторону на материнской узенькой кровати. До сегодняшнего вечера, плачущей мы её не видели. Поэтому, когда услышали из соседней комнаты странные звуки, даже не поняли, что они означают. Мы посмотрели со Светкой друг на друга, бросились туда и замерли на пороге. Марина, рыдала, уткнув лицо в подушку, а рядом лежала вот эта самая коробка, что сейчас находилась у неё на коленях. Мы так растерялись, увидев эту картину, что совершенно не знали, что делать. Спасение пришло, как и во многих других случаях в лице Бориса. Он сел рядом и тронул её за плечо. Она медленно поднялась и, раскачиваясь из стороны в сторону, с протяжным всхлипыванием, достала из открытой коробки письма. Некоторые были в конвертах, другие – нет. Только после совместных усилий, выполненных, в основном, в успокоительно-вопросительной тональности, корвалола и двух кружек воды, ситуация начала проясняться. Её мама, Наталья Ивановна, оказывается всю жизнь, писала своим детям письма. Больше всего писем было адресовано Марине. Скорее всего, потому что она их не отправляла, вполне справедливо опасаясь вызвать недовольство и раздражение старшей дочери. Несколь-

ко писем она написала Эдику, уже после того, как его не стало. Письма Юле были без конверта, Наталья Ивановна не знала её последнего адреса. Младшая дочка перестала отвечать на письма матери, когда заболела и попала в клинику. Мы долго не знали, что же случилось с Юлей, Марина не хотела об этом говорить. До тех пор, пока не наткнулась в шкафу у матери на её вещи. И на фотографию, где сестры были сняты вместе в день Юлькиного отъезда. На этом фото безупречная, как всегда Марина, обнимала за плечи хорошенькую, юную, искрящуюся счастьем Юльку. Марина долго смотрела на это фото, затем положила его в материнскую коробку, а вещи сестры отнесла в большой мешок с другой ненужной одеждой. Столкнувшись на обратном пути с нашими непонимающими, но красноречивыми взглядами, она выдохнула:

– Не надо им тут... Боря отвезет потом в церковь или куда-то ещё, не знаю, – она села на табуретку и сложила руки на коленях, – И вообще, Юле они больше не нужны, она сюда не вернется, а если бы даже и вернулась, навряд ли смогла или захотела бы их носить, – Марина снова тяжело вздохнула, – Понимаете, четыре года назад ей для одного контракта нужно было похудеть, – Марина пожала плечами, – Не знаю, правда, зачем, она в жизни не весила больше 50 килограммов, – она замолчала, будто что-то вспоминая.

– Ну и?... – прошептала Светка. Марина, усмехнувшись, посмотрела на неё, – Ну и похудела... И заключила всё-таки

тот проклятый контракт... Но почему-то не остановилась... Не захотела или не смогла... Короче, у моей сестры нервная анорексия, к двадцати годам она стала весить 38 килограмм... А сейчас, – ещё один протяжный вздох, – Сейчас даже не знаю... Дело в том, что она не хочет со мной общаться, так как в том, что с ней произошло, считает виноватой меня, – Марина с усилием потерла лоб, – Она долго лечилась, потом сменила телефонный номер, адрес и...в общем, сейчас я не знаю, где она и что с ней...

Марина непременно хотела прочесть нам кое-что из писем матери. И показать фотографии, которые тоже были в коробке Натальи Ивановны. Это были потрепанные старые фотографии её детей и внуков. Захвачанные и зацелованные снимки из прошлого. Новых почти не было. Ещё там были школьные тетрадки, исписанные каллиграфическим почерком Марины, полупечатными Юлькиными буквами и каракулями Эдика. И ещё их рисунки... С домиком, с его обязательной трубой и густым дымом, солнышком, и конечно с ней, мамой. Вот тогда Светка и организовала стихийное внеплановое чаепитие, а Боря откуда-то принес бутылку вина. И получились своеобразные поминки. Самые душевные и искренние, на которых я когда-либо присутствовала, если, конечно, так можно выразиться о подобном мероприятии. Марина начала читать письмо, но остановилась, замотала головой и расплакалась. Продолжить вызвалась бесчувственная Светка. Кое-что из прочитанного мне запомнилось:

«...А когда вы с Сережей уехали, – писала Наталья Ивановна, – Томка ко мне прибежала и говорит: «Наташка, до чего ж у тебя Марина красивая, а зять-то какой статный!» – А я и сама иной раз думаю, Господи да неужели у меня такой серой, необразованной такая дочка! У меня самые лучшие дети, я в этом уверена. Эдик вот только запутался, ох не нужно ему в городе оставаться. А может, я не понимаю чего, конечно, Маринушка, ты уж прости меня, но чует моё сердце, не нужно! Ты вот рассердилась на меня, что я сегодня опять про брата твоего начала разговор, но не место ему там. Он добрый, работающий, но плохо ему в городе, а он этого и не понимает. Оттого и пьёт, глушит что-то в душе своей. Ты не сердись только, доченька, но я и сейчас думаю, что нельзя было ему с Катериной расставаться. А так что? Он там себя губит, а Катька здесь. Хоть и замуж вышла, да нехорошо живут они, и девку жалко мне, и сына. Не любит ведь он, Алену-то, я это ещё и до свадьбы поняла...»А вот из другого письма: «...Доченька, к нам в магазин завезли такие платьишки славные, реглан и по подолу кружево, и размер твой, я и взяла в подарочек. День рождения, ведь скоро у тебя...» Чтение в этом месте пришлось ненадолго прервать, так как Марина, шатаясь и плача, вышла из-за стола. Чуть погодя мы со Светкой вышли на крыльцо. Марина, не глядя на нас, выпуская дым в сторону блестящих, словно подсвеченных лунным фонариком деревьев, устало произнесла:

– А я и не взяла тогда платье-то, ещё помню, рассмеялась,

что говорю мне в нем делать, коров доить? – она повернулась к нам и добавила:

– Боже мой, я и подумать не могла, что она была способна так все... чувствовать... Марина беспомощно смотрела на нас, – Столько любви... Да она сочтется просто с каждой строчкой... Я ведь не знала... не думала... – снова повторяла Марина и с каким – то страдальческим выражением на лице посмотрела на меня. Я промолчала и отвела взгляд.

7

Вскоре после этих событий я переехала и несколько лет мы не виделись. От Светки я знала, что Марина с помощью Бори и его семьи на каких-то невероятно выгодных условиях несколько раз летала в Израиль. И что там она познакомилась с бывшим профессором Московского университета, а ныне успешным бизнесменом, и что дело, прямым ходом идет к свадьбе. – А ирония судьбы заключается в том, – ехидно хохотнула Светка, – Что познакомил их не кто иной, как Боря.

– Представляешь, – негодовала Светка, – Этот фантастический, с явно мазохистскими наклонностями дурень Борька, всеми правдами и неправдами включает Маринишну в какую-то льготную программу, – она выразительно посмотрела, дожидаясь моей реакции, но, не увидев таковой, сердито фыркнула, точь в точь, как обиженный ёжик из мультика, и продолжала:

– И наша королевишна живет себе припеваючи, чуть ли

не бесплатно в самом Иерусалиме, – Светка недобрым взглядом скользнула по моей безучастной физиономии, вздохнула и закончила:

– Потом этот болван знакомит её с другом семьи, богатым, успешным и представительным, (вот с кем дружат нормальные люди!) и при этом ещё чуть ли не радуется, что у них завязались теплые и весьма проникновенные (во всех смыслах) отношения! Светка в образе пламенного оратора, исполненного праведным негодованием, с вызовом дырявила меня глазами. Вся её поза будто говорила:

– Ну и как вам это нравится? Я едва заметно кивнула. Все о чем рассказывала Светка, было мне уже известно.

Увиделись мы все только летом следующего года, когда я приехала навестить родителей, а Марина готовилась отвозить близнецов в военное училище, куда их приняли незамедлительно и без всякого конкурса. Даже спустя много лет после своего ухода, Сергей умудрялся помогать своим детям.

Мы собрались вместе у Марины, когда она уже вернулась назад: притихшая и встревоженная одновременно. Она рассказала нам, между прочим, что Владик не хотел поступать в это училище, и оставила она его там с тяжелым сердцем. Зато Славик, наоборот, очень хотел.

– Нет, вы подумайте, – с усилием засмеялась Марина, – Родные братья, хуже того, близнецы, а какие разные... Она разлила остатки вина и добавила:

– Не поверите, Славик дожидаться не мог, когда же он там

окажется, а Владик, – уперся и всё, – Марина пожалала плечами, – Да этот сынуля всегда таким был, вы же помните. Ну не разлучать же братьев, в самом деле, еле уговорила. К тому же, такие льготы у них могли быть только при поступлении в военное заведение. Я отвернулась к окну и промолчала. Говорить что-либо не имело смысла. Марина звонила мне после того, как они подали документы. Владик уже тогда заявил, что не хочет быть военным. Когда мать стала что-то объяснять и настаивать, закатил прямо в фойе училища истерику. Разорвал какие-то бумаги, кричал, что не будет здесь учиться никогда и ни при каких обстоятельствах. Марине только с помощью Славика удалось кое-как его успокоить и вывести оттуда. Вечером Марина позвонила мне, рассказала о том, что произошло в училище, и спросила, что я думаю по этому поводу. Я горячо и безоговорочно поддержала ребенка. Помню, что долго говорила про то, что её мальчики, несмотря на внешнее, практически абсолютное сходство, два разных человека, две личности. И что хорошо одному, для другого просто неприемлемо. Мне тогда казалось, я была очень красноречива и убедительна. Я приводила наглядные примеры, того, что может ждать человека идущего не своей дорогой. Или на кого оказывают давление. И призывала её этого не делать. Марина внимательно слушала, иногда даже комментировала, а в конце разговора, прежде, чем повесить трубку, вежливо поблагодарила. На следующий день они подали документы.

В этот вечер расстались мы довольно буднично и даже сухо. Так, как будто я не уезжала через пару дней, а у Марины не был забронирован билет в один конец в Израиль. Разошлись, будто собирались встретиться на следующей неделе или даже раньше.

Через два месяца я узнала, что Марина вышла замуж за своего правоверного еврея и уехала с ним в свадебное путешествие. Да ни куда-нибудь, а в Новую Зеландию. Когда я увидела фотографии, которые Марина прислала оттуда, мне показалось, что они поступили ко мне непосредственно из рая. С трудом верилось, что где-то на земле существуют такие места. И что волна бывает такого невероятного оттенка: от малахитово-салатового до лазурно-мятного. И что есть такое неправдоподобно синее небо, и ослепительно-золотого оттенка песок, и сюрреалистическая изумрудная трава, которой, ну просто не может быть в действительности... И на фоне всей этой рафинированной, почти нереальной феерии, великолепная золотоволосая Марина в белоснежном купальнике, в обнимку с колоритным, внушительных размеров брюнетом.

На новогодние праздники я с дочерью снова приехала к родителям. Как-то на улице мы с ней встретили Бориса, который направлялся куда-то в компании Славика и Владика. Неожиданно эта встреча вполне искренне обрадовала всех нас. Было принято единогласное решение пойти всем в кафе и отметить радостное событие. Пока дети уплетали за со-

седним столиком пищу, мы с Борей обменивались дежурными фразами. Я обратила внимание, что Борис плохо выглядит. Он ещё больше похудел, во всей фигуре резко обозначилось что-то птичье. Даже забавный, и такой узнаваемый Борькин чуб, который всегда торжественно и согласно откликался горделивыми поклонами на любое его движение, сейчас изрядно поредел и обвис. Я слушала его довольно рассеянно, и, наконец, не выдержала и спросила напрямик:

– Что с тобой, Боря? Ты болен? Он замолчал так внезапно и стремительно, будто его выключили. На лице появилось скучающее и одновременно уставшее выражение. Боря сидел неподвижно, словно механизм его действия оказался безнадежно испорчен. Я отлично помню острое чувство жалости к этому человеку и ощущение какого-то ужасного, тягостного предчувствия, которое буквально захлестнуло меня от его реакции на вполне безобидный вопрос, хотя он ещё ничего не успел ответить, да и длилось это всего лишь несколько секунд. Он улыбнулся одними губами и, отпив кофе, тихо произнёс:

– Ерунда... Устал, просто... Ну и постарел, наверное... Мы же сколько не виделись? Год? Полтора? Борис снова улыбнулся своей печальной, немного виноватой улыбкой, и, кивнув в сторону «детского» столика, плавно закрыл неудобную тему:

– Мальчишек вот забрал на каникулы, – он достал большой клетчатый платок и вытер лицо, – Все курсанты разве-

хались по домам, а им куда? Ну и за квартирой их присматриваю, – Боря протянул детям меню и предложил выбрать десерты, – Сейчас вот квартирантов пустил, а что, лишние деньги ни Марине, ни ребятам не помешают, – Боря говорил, словно извинялся. Я молча кивнула. В разговоре возникла небольшая пауза. Марина иногда звонила, поэтому я немного знала, как обстоят у них дела. Мне, например, было известно, что Борис ездил один к мальчикам на присягу. И не только. Он высылал деньги, отправлял посылки, дважды каким-то чудом помог Владу избежать исключения после очередной его выходки. Он выслушивал жалобы, хвалил, наставлял, поддерживал и утешал. А больше все равно было некому. По материнской линии, только какая-то невнятная и уже почти не реальная тётя Юля. Сама Марина за границей, активно занимается устройством своей женской судьбы. Родственники Сергея после его смерти, всякое общение с Мариной и её детьми, прекратили.

Мы с Борей одновременно посмотрели на Славика и Владика. Даже сейчас, разговаривая с моей дочкой, сидящей напротив, они, в своей автономности, являли себя миру, как совершенно законченный, гармоничный и абсолютно самодостаточный образец единого целого. Мальчики сидели плотно друг к другу, привычно касаясь плечами и локтями, – Зеркальные близнецы, – думала я, – Одинаковые стрижи, похожие улыбки, идентичные профили. Но не это было самым главным. При взгляде на них появлялась стойкая уве-

ренность, что если даже произойдет вселенская катастрофа или случится вдруг конец света, вряд ли их это сильно обеспокоит или внесёт серьезные коррективы в их мировосприятии, при условии, конечно, что они будут вместе. Я покачала головой и заметила:

– В общем, Борис, ты им и мама, и папа. Боря пожал плечами и с улыбкой отмахнулся:

– Что ты, Марина весной собирается приехать, знаешь, как они её ждут!? Нет, видишь ли, здесь трудность в другом, – он снова вытер лицо и закашлялся, – Понимаешь, Владу очень сложно там, – отдышавшись и понижая голос до шепота, сказал он, – Да я и сам вижу уже, ну не его это... Он, конечно, из-за брата старается держаться, но иногда все же не выдерживает, и тогда происходят эти... срывы..., – Борис посмотрел на мальчиков, тщательно разгладил полотняную салфетку, и добавил:

– Знаешь, очень тревожно за него... И, главное, совершенно не понятно, как лучше поступить в этой ситуации...

– Ты Марине говорил? – резко спросила я. Борис энергично кивнул:

– Конечно, да она и сама всё это знает, но и слышать не хочет..., – он растерянно взглянул на меня, – С одной стороны, она, конечно права, мальчиков нежелательно разлучать. И, как мать, она это очень хорошо понимает. Они будут страдать друг без друга, это же видно невооруженным глазом, – Боря опять глянул в сторону детей, – Славик – отличник, и у

него регулярные увольнительные, но он их редко использует, так как у Владика из-за плохой учебы и дисциплинарных нарушений их почти никогда нет. Боря широко и по-доброму улыбнулся, – Представляешь, какая братская любовь и солидарность! Я печально кивнула:

– Представляю... Они с детства такие: если один стоит в углу наказанный, второй, непременно, становится рядом. Но все же, Боря, – продолжила я, – Хотя ты понимаешь, что это не вполне здоровая ситуация? Им все равно придется проживать свои, независимые жизни... – Боря глянул счет, протестующим жестом вытянул в мою сторону руку, когда я потянулась к сумке, и достал бумажник:

– Конечно, понимаю, но что делать? Да, Владик ненавидит все, что имеет отношение к армии, называет это муштрой, казенщиной и тупостью, а Славик там, как рыба в воде, – расплатившись, Боря посмотрел на меня и развел руками, – Знаешь, такое ощущение, что он был рожден для того, чтобы стать военным. Но знаешь, что? Я думаю, что никто, в том числе и они сами, до конца не понимают, насколько им важно быть вместе. Ведь мальчишки никогда на долгий срок не расставались.

Когда мы вышли из кафе, уже стемнело. Попрощались очень тепло. Перейдя дорогу, Борис обернулся и помахал рукой. Вместе с ним, к нам почти одновременно повернули головы два юных, тонколицых курсанта. Несколько секунд они внимательно и серьезно глядели на нас. Мелкие снежин-

ки, подсвеченные разноцветной иллюминацией, красными, зелеными и желтыми точками неистово вальсировали над их головами, и медленно таяли, оседая на козырьках и форменных синих куртках. Затем, как по команде, все трое развернулись и пошли вдоль праздничной, сверкающей новогодними огнями улицы. Мы с дочкой, какое-то время провожали их взглядом, а затем, не глядя друг на друга, молча направились к дому моих родителей.

8

В начале марта стало известно, что Борис умер в Израиле. Каким-то образом вездесущая Светка узнала об этом раньше всех. Ещё до возвращения Марины в Россию. И даже до того, как мы услышали о разводе с кошерным предпринимателем.

Когда спустя некоторое время мы с ней увиделись, это была всё та же Марина. Немного уставшая и как будто притихшая, но та же. Ухоженная, красивая, знающая себе цену женщина, с неявной мудрой полуулыбкой в уголках сочных, подвижных губ. Возможно, это была очередная маска, точно выверенная и идеально подходящая роль, но было сложно не поддаться её очарованию. Глядя на Марину, я подумала, как удивительно ей идет зрелость. Даже легкие морщинки и чуть округлившийся, но всё ещё безупречный овал лица не только не портили общего впечатления, они были уместны, и как нельзя кстати. Без них общая картина не была бы такой целостной, и даже более того, она лишилась бы своей неповторимой и щемящей законченности. Марине не угрожает

опасность, – размышляла я, – скатиться в рутину и бытовуху. Она по природе своей, никогда, даже со временем, не сможет обабиться, и превратиться, например, в пресловутую тётку с авоськами.

Разумеется, я не могла не спросить о Боре. Помолчав, Марина, глядя в сторону остановившимся взглядом, наконец, произнесла:

– Вот уж в ком была абсолютно уверена, что он никогда не оставит меня, – она покачала головой, уйдя мыслями далеко за пределы этой квартиры, – Не сможет, просто физически, – после долгого молчания сказала она, – Но я, как видишь, ошибалась, – Марина невесело усмехнулась и вдруг жестко, совсем другим тоном, сказала:

– Ещё бы, в такой-то семейке! Мамаша и сестрица его просто замучили, он без конца мотался по их милости из России в Израиль и обратно; давал какие-то благотворительные концерты, постоянно сидел в жюри на идиотских музыкальных конкурсах, читал лекции по искусству, в порядке, так сказать, культурного обмена, – Марина, сделав паузу, закурила, и гневно сверкая глазами, продолжила, – И это, заметь, якобы из самых благородных побуждений, устраивали его драгоценные родственнички, выбивая для него различные приглашения. Я удивленно смотрела на неё, совершенно не ожидая такого поворота:

– Марина, – собравшись кое-как с мыслями, начала я, наконец, – Да ведь он жил этим! Борис очень талантливый му-

зыкант... Был... – самые разнообразные чувства переполняли меня и грозили прорваться наружу, – Ты и сама это прекрасно знаешь! У него и педагогические способности замечательные, ты хоть знаешь какой в его мастерскую конкурс!? А то, что он ещё и композитор!? – Черт, забываю все время, был... Две его музыкальные пьесы, благодаря сестре Римме, которая ведет его дела в Израиле, исполнялись неоднократно симфоническим оркестром в Хайфе и Иерусалиме, – я тяжело дышала, но боялась остановиться, из страха потерять мысль, или из-за того, что Марина не даст мне закончить, – Да если хочешь знать, его семья, зная это лучше нас, – горячо продолжала я, – наоборот, продлевала, как могла его жизнь, поддерживала в нем веру в себя, в свой талант, не позволяя ему забыть о том, что он прирожденный музыкант, что в нем есть свет, который он может и даже обязан нести людям. Я шумно выдохнула и замолчала, с усилием сжав челюсти, чтобы не расплакаться. Отвернувшись, я только думала о том, чтобы Марина, ничего сейчас не стала бы говорить, – Просто молчи, умоляю тебя... Пожалуйста... – крутилось в моей голове, в форме заклинания. Но, видимо, я не обладала, ни в малейшей степени телепатическими способностями, потому что уже через пару секунд ошарашенного молчания, Марина, с пунцовыми от возмущения щеками, резко выкрикнула:

– Да ты кого защищаешь-то? А ты знаешь, что его мать с сестрой даже не пустили меня к Борьке проститься? Меня! Единственного человека, которого он любил всю жизнь... –

Марина, быстро взглянула на меня, и уже, смягчаясь, добавила:

– Я знаю, что Боря нравился тебе... Наверное, даже больше, чем я думала... Согласна, он был прекрасным, талантливым человеком и отличным другом, но вместе с этим, он был слабым и безвольным, а это губительно для мужчины, понимаешь...

Я медленно повернула голову и долго смотрела на неё. Внутри стало холодно и пусто. Мне показалось, что я уже ничего не чувствую, совсем ничего... Кроме страха... Я съезжилась и оцепенела, будто в ожидании удара. Она же, не замечая моего состояния, продолжала:

– ...Знаешь, что его мамаша ответила медсестре, спросившей у меня кто я, когда я пришла в больницу? «Никто!» Можешь себе представить? При всех, громко так. Это я-то никто! Или она думала, что я не пойму, раз она говорит на иврите? – Марина налила стакан холодной воды и залпом выпила, – А потом ещё и добавила по-русски, глядя прямо на меня: «Чужая, посторонняя женщина!» Поставив чайник, Марина с усмешкой добавила:

– А его сестрица, эта вечно полусонная слониха Римма ещё и распускала обо мне грязные сплетни, что якобы я уговорила Борю переписать его квартиру в России на меня, хотя это было целиком и полностью его решение, – она достала чашки и на секунду задумавшись, помахала одной из них в воздухе, – Он же крестный моих сыновей, и только хотел

как-то помочь и мне и им. Вот и все, – Марина пожалала плечами, и устало вздохнула, как человек, который очередной раз пытается растолковать очевидные факты непроходимым тупицам. Я, молча, смотрела на идеально прямую спину Марины и тонкую руку, с изящным браслетом, разливающую благоухающий чай в фарфоровые сине-золотые чашки.

– Они же и Давиду без конца что-то нашептывали обо мне, что, в конце концов, и привело нас к разводу. Марина повернулась, поставила чашки с чаем на стол, и уже без всякого намека на волнение, глядя на меня добрыми глазами радушной хозяйки, спокойно и рассудительно проговорила:

– Хотя, это даже к лучшему, – она махнула неопределенно рукой, – Мой бывший муж – это пустой и ограниченный человек, с какими-то домостроевскими представлениями о женщине и семейной жизни...

Я смотрела на неё и молчала. Страх, который я ощущала раньше, постепенно модифицировался в неприятное, липкое чувство, что-то среднее между неприязнью, тревогой и безмерной апатией. Больше всего мне хотелось, молча встать и уйти, чтобы никогда сюда не возвращаться. Я тогда, конечно, не могла знать, что это моё горячее и искреннее желание с такой неукоснительной точностью исполнится. А в тот момент я отчетливо поняла, что физически не в состоянии больше видеть Марину. В идеале, опять же, никогда. Но передо мной дымилась чашка сложным образом заваренного (специально в честь нашей встречи) экзотического напитка,

и уйти прямо сейчас было невозможно. По крайней мере, для меня. Я снова в который раз остро почувствовала силу и превосходство Марины и свою абсолютную невозможность хоть как-то воспрепятствовать этому. С нарастающей тоскливой озлобленностью я сделала несколько глотков, испытывая при этом лютую ненависть к себе. А затем кое-что случилось. Не знаю, что именно произошло, но в какой-то момент я отодвинула чашку и поднялась из-за стола. Это было тем более странно, что Марина ещё не закончила рассказывать о каком-то анекдотичном случае из своей иерусалимской жизни. По-моему, я даже что-то сказала. Скорее всего, что-то несурзное и маловразумительное. А потом взяла и ушла. И, кажется, даже не попрощалась.

Больше я Марину не видела. Через три месяца со дня нашей последней встречи я узнала, что Славика, когда он возвращался с увольнительной, насмерть сбил, влетевший на тротуар, пьяный водитель. А за две недели до этой трагедии из училища отчислили Владика. В скором времени Марина уехала с сыном из города. И никто не знал куда. Даже Светка.

Недавно на одной ярмарке я купила баночку зелёного мёда. Кроме меня никто в моей семье его не стал даже пробовать. Да и мне его вкус кажется довольно странным. Каким-то ненастоящим и фальшиво преувеличенным. Хвойно-терпким, густым и пронзительным. С горьковатым и смолянистым послевкусием. Как будто нечто изо всех сил пытается себя выдать за то, чем на самом деле не является.

КРИСТИНА

Она проснулась около девяти утра с очень конкретным ощущением, что сегодня непременно произойдет что-то значительное. А может даже прекрасное. Кристина совершенно бы не удивилась. Она уверена, что давно готова. И более того, она не только не боится этого, а с нетерпением ждет. Если бы её кто-то спросил, а чего, собственно, этого, она бы даже не сразу нашлась, что ответить. Чего-то такого интересного, волнующего и необычного. Чего ещё в двадцатипятилетней Кристиной жизни никогда не происходило. Чтобы эмоции через край и дух захватывало! Чтобы было потом, что вспоминать и о чём рассказывать. Не удивилась она также и самому этому ощущению. Она ему была рада, как дорогому и очень приятному гостю. Тем более что такое происходит с ней уже не в первый раз. И совершенно не важно, что предчувствия эти не всегда оправдываются, главное, что они хотя бы изредка приходят. И в такие дни Кристине хочется открыто и смело войти в новый день, распахнув доверчиво в преддверии счастья глаза и сердце. Она тогда чувствует себя не только способной обнять целый мир и озарить его своей любовью, но даже немного летать. Такое ожидание счастья и состояние переполнявшей радости очень часто случалось с ней в детстве. Потом надолго исчезло и вот теперь стало появляться снова. И это притом, что Кристина никак не считала, да и чисто объективно не могла считаться какой-нибудь неудачницей или, тем более, женщиной несчастной судьбы.

Как раз наоборот, она молода, хороша собой, живет в прекрасном загородном коттедже с любящим и, разумеется, любимым красавцем-мужем, к тому же преуспевающим бизнесменом. Да и сама она не пустышка какая-нибудь, вовсе нет. Кристина закончила факультет журналистики МГУ с красным дипломом, между прочим, и даже успела поработать в редакции одного, довольно известного «толстого» журнала, правда до тех пор, пока её умный, красивый муж, усмехнувшись, однажды не поинтересовался, зачем ей это нужно. Константин после своего физико-технического института работал IT-менеджером в фирме «Телекомсервис», а после окончания академии государственной службы, отец Кристины устроил его к себе, в компанию «СтройИнвест», генеральным директором которого Костин тесть являлся последние три года. Компания её отца, а теперь и мужа занималась оптовой и розничной продажей стройматериалов, а также гидроизоляцией. Сейчас муж, конечно, уже на работе. Он ужасно много работает последнее время. Они почти не видятся. Кристина повернулась, обхватила его подушку обеими руками и зарылась в неё лицом. Наволочка пахла немного Костей, его любимым парфюмом, а также чем-то ещё неуловимым, но, вне всякого сомнения, чрезвычайно приятным. Надышавшись вволю, Кристина откинулась на спину и с мечтательной улыбкой посмотрела в окно. И хотя с этого положения ей были видны лишь несколько дымчато-матовых лап голубой ели, перламутрово-дрожащие ве-

точки березы да кусочек бледно-голубого, словно выстиранного июньского неба, она сразу поняла, что день будет прекрасным.

Кристина села в кровати и с удовольствием потянулась. Самочувствие было прекрасное, настроение лучше некуда, энергии хоть отбавляй, а жизнелюбия легкохватило бы на пятерых. Она буквально слышала, как душа поёт и с удовольствием расправляет занемевшие крылья. Кристина прислушалась: музыка звучала вполне реально, хотя и довольно приглушенно.

– Костин телефон! – вдруг осенило её, и она бросилась вниз по лестнице. В этом доме они с мужем жили всего полгода, и она все ещё не до конца освоилась с его планировкой и размерами. – Ах, Костя, Костя! – лихорадочно искала она телефон, ориентируясь на тихую, едва доносившуюся мелодию. И как она её вообще расслышала в спальне на втором этаже? – Вот что значит работать без выходных, – крутилось у неё в голове, – Никогда ещё за четыре года их семейной жизни не было такого, чтобы он, уезжая на работу, забыл бы что-нибудь. Вчера он опять вернулся поздно, очень уставший, хотя и довольный, что важный для их организации контрактс французами всё-таки состоялся. Теперь Костя летит в Марсель для оформления завершающего этапа сделки по поставке гидроизоляционных материалов.

Наконец она обнаружила телефон в прихожей, который, оказывается, соскользнул в отверстие между подушкой ко-

ридорного диванчика и его подлокотником. – Так вот почему Костя забыл его, – догадалась Кристина, – Он его просто не увидел. Видимо, пока муж обувался, положив телефон рядом с собой, он сюда и юркнул. Пока она его искала, а потом доставала, звонки, разумеется, уже прекратились. Кристина стояла в растерянности и смотрела на дисплей умолкнувшего аппарата. Увидела два пропущенных, от некоего абонента, обозначенного в Костином телефоне под литерой «Е». Кристина не знала, что следует делать в таких случаях. У неё не было такого опыта. Мужу своему она доверяла полностью и безусловно. Точнее, ей даже и в голову бы не пришло, что может быть как-то иначе. Ведь если нет доверия, зачем тогда жить вместе?! Тем более что Костя за всё время, что они женаты ни разу не дал ей повода не то, чтобы для ревности, но даже для лёгкого сомнения.

– А вдруг это Костя?! – всполошилась она, – Ну да, – чуть ли не с облегчением выдохнула Кристина, – Обнаружил, что телефона нет, и сейчас звонит ей с чужого, чтобы удостовериться, что он его не потерял. Кристина нашла в его телефонных контактах «Е», нажала кнопку вызова и прошла в холл. Ей ответили с такой скоростью, будто только и ждали, когда же она позвонит. Кристина не успела сказать ни единого слова, и даже не до конца сформулировала про себя обращение к неизвестному, она только знала, что оно должно было быть коротким, понятным и лаконичным, чтобы не отвлекать коллегу мужа отвлеченными и пространными разго-

ворами о забытых дома телефонах. То, что звонок был с Костиной работы, у неё сомнений не вызывало. А кто же ещё мог звонить в 9.13. и 9.27. утра, если не сам Костя, разыскивающий свой телефон или сотрудник их компании, чей номер был в списке контактов мужа? Так вот, едва только Кристина, приоткрыла рот, чтобы назвать себя, как совершенно неожиданно телефон нежным, женским голосом запел ей прямо в ухо:

– Котик, – именно так почему-то обратилась к ней незнакомка, – Привет... Хотела сказать, что сегодня вряд ли получится, – видимо говорившая находилась в дороге, до Кристины доносился шум улицы, гул двигателя и резкий звук клаксона, из-за которого несколько слов она не разобрала, – ... сколько же кретинов на дороге и тупых овец! – с негодованием в голосе комментировала дорожную ситуацию неведомая женщина, – Котик, – снова ласково пропела трубка, – У меня сегодня вечерний эфир, да и потом нужно будет задержаться у Карапетяна по поводу того интервью с Гариком...

– Кристина стояла посреди своего большого, роскошного холла, оформление которого она, как и всю прочую обстановку в доме разрабатывала лично, хотя и в тесном соавторстве с модным дизайнером, и совершенно не знала, что говорить и самое главное, что делать, – Ну не сердись, любимый, иначе не видать мне Франции, ты же знаешь, босс ни за что не отпустит, пока я не подчищу хвосты... А мы же с тобой не хотим этого, правда? Уверена, мы с тобой хотим одного

и того же, например устроить нечто ещё более грандиозное, чем та сентябрьская Барселона, я права, Котик? – женщина медленно, протяжно выдохнула и продолжала, – Хотя вчера, ты не был моим Котиком, – в этом месте повисла настолько значительная, наполненная определенным смыслом пауза, что Кристина вдруг подумала, что если бы её можно было попробовать, то на вкус, она напоминала бы шоколадный ликер.

– Ты был настоящим тигром... – Кристина могла поклясться, что услышала, как эта особа сладострастно застонала. В ужасе, Кристина отключила телефон и с омерзением швырнула его в кресло, до которого так и не дошла.

– Вот интересно, а что же теперь делать? – задала она себе дурацкий, к тому же, совершенно бессмысленный вопрос. Почему-то ей казалось, что необходимо срочно начать действовать, ну или хотя бы что-то предпринять. Но вместо этого она села на самый краешек чудного, обтянутого белой итальянской кожей дивана, (предмет её не слишком тайной гордости), и слегка раскачиваясь, попыталась собраться с мыслями. – Итак, что мы имеем? – изо всех сил пытаясь не терять самообладания, размышляла она, – У мужа есть любовница, – Боже мой, как же это пошло и мерзко! – вслух перебила она себя, и, обхватив руками живот, закачалась сильнее. – Так вот, – с усилием взяв себя в руки, продолжила она через некоторое время, – И длятся эти отношения не меньше года, в Испанию, по делам фирмы, он действительно летал

прошлой осенью.

– Какой молодец, – подумала Кристина, – Да, этого у него не отнять, умеет Котик совмещать полезное и приятное. Рационализаторскую составляющую его личности отмечала даже мать Кристины ещё до их свадьбы.

– Ну вот, собственно, и всё! – подвела она невесёлый итог своего короткого персонального совещания, – Эта «Е» телеведущая или редактор программы, одним словом, какая-то фифа из ящика. Лицо, скорее всего, медийное, и, наверняка, очень привлекательное. На другое бы Костя и не взглянул. Кристина тяжело поднялась и направилась к лестнице. Взбиралась она медленно, как старуха, грузно наваливаясь на перила. На предпоследней ступеньке Кристина остановилась и добавила про себя:

– Ах да! Чуть не забыла, у нашего Котика с этой «Е», судя по её весьма недвусмысленным замечаниям, отличный секс! В спальне Кристина остановилась напротив большого и вычурного зеркала, довольно искусной подделке, выполненной в стиле ампир. Кристина с неудовольствием смотрела на отражающуюся в нем бледную молодую женщину, в розовой шелковой пижаме и длинными спутанными волосами. Сзади неё была видна неприбранная двуспальная кровать, а прямо за её левым плечом выглядывала подушка Кости. Схватив её с каким-то гортанным звуком, Кристина, что есть силы, метнула несчастную с лестницы. За спиной она услышала оглушительный звон разбитого стекла, но, не оборачива-

ясь, удовлетворенно кивнула и вернулась в комнату. Проходя мимо зеркала в ванную, Кристина намеренно отвернулась, чтобы даже мельком не видеть своего отражения. С самого детства ею твердо была усвоена одна из незыблемых аксиом, встроенная намертво, благодаря матери, непосредственно в подкорку: любые затруднения разрешаются гораздо эффективнее не столько на свежую голову, сколько на чистую. Одеваясь после душа, она услышала, как подъехал к дому Костя. Беспорядочно заметавшись по комнате, в лихорадочном намерении спрятаться, и получить столь необходимую зачем-то ей сейчас отсрочку, Кристина безмолвно и неистово взывала неизвестно к кому о помощи и защите. Она понимала, что не может видеть своего мужа, и уж тем более, разговаривать с ним. По крайней мере, сейчас, когда всё это навалилось на неё так внезапно, болезненно и остро. Она услышала, как Костя поднимается по лестнице, и не придумав ничего лучше, с каким-то остервенением и ненавистью принялась снимать постельное бельё. Костя остановился в дверях со своей подушкой в одной руке, а телефоном в другой, и пару секунд внимательно смотрел на жену, яростно сражающуюся с пододеяльником и старательно избегающей его взгляда.

– Ты решила заняться уборкой? – с улыбкой спросил Костя, протягивая ей подушку, – Вот это я подобрал внизу, она лежала на черепках греческой вазы, которую мы привезли с тобой из свадебного путешествия.

– Да... – Кристина тяжело дышала и заставила себя взглянуть на мужа. Костя, стройный и высокий, в чудесном синем костюме-тройке, безукоризненно уложенными волосами и чуть тронутым нездешним загаром красивым лицом, смотрел на неё с легким, доброжелательным высокомерием положительного киногероя.

– Да... – снова повторила она, почему-то не допуская даже мысли о том, чтобы выяснить отношения прямо сейчас. Позже она много размышляла об этом, но разумного объяснения так и не находила. По какой причине, недоумевала Кристина, она не сообщила мужу, что ей все известно в то же утро, когда он вернулся за своим телефоном? Почему молчала, как дура, как маленькая, испуганная девочка? Что помешало ей устроить грандиозный, образцово-показательный скандал в классике жанра, с подробным и шумным выяснением всех обстоятельств подлейшей этой истории, как поступила бы на её месте любая другая нормальная женщина? Ничего этого Кристина не сделала, и самое главное, даже не знала почему. Возможно, испугалась того, что за этим может последовать. И что надо будет принимать какое-то решение, а она не чувствовала себя готовой к этому. А может в глубине души надеялась убедить себя, что это неправда, что не было этого проклятого звонка, разрушившего своим треньканьем её семейную жизнь. Или просто Кристина была настолько ошарашена этой ситуацией, что впала в эмоциональный ступор. И подсознательно выбрала самую безопасную в данном случае

выжидательную позицию, для того, чтобы собраться с мыслями и силами для принятия оптимального решения. У неё не было ответа. Вместо этого, она с усилием, как будто каждое слово причиняет ей нестерпимую боль, проговорила:

– ...Хотела вынести одеяло... и подушки на солнце,... день будет жарким, но нечаянно уронила одну... – Кристина чувствовала, как её щеки из бледно-розовых делаются пунцовыми. Врать она, конечно, так и не научилась, но сейчас её мама была бы ею довольна, подумала Кристина. Ведь, положив руку на сердце, мать всегда считала единственную свою дочку весьма простоватой и не в меру наивной.

– Ты что-то забыл? – невинно спросила она. Муж озабоченно кивнул:

– Телефон забыл, представляешь? Пришлось вернуться, столько всего успеть нужно, а без телефона никак. Интересно, почему он выключен, я вроде... ,

– Мне никто не звонил? – поднял он глаза на жену, – Нет, – ни моргнув глазом, опять соврала Кристина, – Но может я не слышала, я сегодня что-то не очень хорошо себя чувствую, прости, но мне нужно загрузить бельё. Кристина с охалкой белья попыталась обойти его, – Я помогу, – сделал шаг навстречу к ней Костя, – Нет, – громче, чем хотела, вскрикнула Кристина, и закусил губу. Ей стало страшно, что он может случайно коснуться её, а это было бы сейчас невыносимо. В прямом смысле. Кристина боялась, что в этом случае она просто закричит.

– Всё нормально, – взяв себя в руки, медленно и тихо сказала она, – Ты и так задержался, я справлюсь... Костя с удивленным сочувствием какое-то время смотрел на неё, и затем произнес:

– Ты действительно что-то неважно выглядишь, малышка, – в его голосе звучала искренняя озабоченность, – Бросила б ты эту всю затею, – глядя на охапку белья в углу, сказал Костя, – В субботу придет Алёна и все сделает, а ты бы лучше позвонила своему доктору. Кристина, сжав кулаки, так что её длинные ногти наполовину вонзились в ладони, медленно подняла на него глаза. Костя в это время сосредоточенно вглядывался в засветившийся экран телефона и потому не мог видеть тяжелого, немигающего взгляда, каким смотрела на него сейчас его жена. Кристина вдруг подумала о том, что если он немедленно не уйдет, то всё это сохраняемое ею из последних сил эфемерное, зыбкое и трагикомическое псевдо спокойствие лопнет, как мыльный пузырь. Костя, нахмурившись и убирая телефон, во внутренний карман пиджака, глянул на неё, – Крис, я, правда, волнуюсь, обещаю, что позвонишь врачу, – опустив голову, она кивнула, – Всё, малыш, нужно бежать, – он посмотрел на часы, подарок её отца, в честь его назначения год назад руководителем отдела, – О, у меня намечаются проблемы... Постараюсь быть не очень поздно, в любом случае, я позвоню... Он с ласковой улыбкой посмотрел на неё. Кристина снова испугалась, что сейчас по привычке, он захочет поцеловать её, поэтому, отворачива-

ьясь, резко и поспешно выпалила:

– Пока... Удачного дня, милый... – выдавила она и тут же внутренне содрогнулась. – Милый?! – ехидно-вопросительно передразнила она себя, – Серьёзно?! Фу, да что со мной такое сегодня...

Ей стало легче только, когда муж вышел из дома, и она услышала звук отъезжающего автомобиля. Это было новое чувство, до сих пор неизвестное, а потому тревожное и настораживающее. Кристина с отвращением швырнула постельное бельё на пол. Она спустилась вниз, постояла в холле, затем вышла во двор. Черный доберман, гладкий и блестящий, как антрацит, тут же бесшумно подбежал к ней, подрагивая от радости и нетерпения поджарыми боками и тонкой спиной. Собака удовлетворенно фыркнула, лизнула Кристине руку и с бесконечной преданностью, смотрела на неё глубокими и влажными темными глазами с фиолетовым отливом. Она рассеянно погладила узкую вытянутую голову, от чего животное пришло в абсолютный восторг, граничащий с экстазом, с еще большим азартом перебирая в ритме вальса изящными и стройными, длинными лапами. Вопреки его ожиданиям, Кристина никак не реагировала. Она смотрела куда-то вперёд невидящими глазами и стояла, как изваяние. Пёс был настолько растерян явным нежеланием хозяйки играть, и её полной отстраненностью, что устав бодать её ладонь своей головой, начал тихонько скулить, припадая на передние лапы.

– Не сейчас, Грант... – рассеянно проговорила Кристина и вдруг развернулась, толкнула стеклянные двери, пробежала через холл, немного задержалась в прихожей, кинула что-то на ходу в свой рюкзак и выскочила из дома.

Остаться здесь она просто не могла. Это ей стало понятно как-то сразу и окончательно. У неё сформировалось устойчивое, переходящее в уверенность ощущение, будто прежняя она куда-то подевалась, а вместо неё появилась другая, новая Кристина, пугающая её саму до чёртиков, раздираемая противоречивыми чувствами, к тому же притворщица и лгунья. Кристина опасалась, что теперь она такой и останется, потому что это и есть она настоящая.

Было непривычно и страшно. И самое главное, совершенно непонятно, что с этим делать. Кристина так никогда раньше не поступала. То есть, она не могла до сегодняшнего дня представить ситуацию, при которой она вдруг сломя голову, выскочила бы из дому неизвестно для чего и куда. И даже не представляя при этом, как, например, она будет добираться до города или куда там она собралась. Потому что, по крайней мере, до сих пор, Кристина всегда знала, что и зачем она делает, так как имела привычку, ещё со школы, заранее планировать все, что намерена была реализовать. С другой стороны, и причин для такого спонтанного поведения у неё, собственно, никогда и не возникало. У Кристины вообще до этого телефонного звонка жизнь текла спокойно и размеренно. Из добрых, заботливых и сильных отцовских

рук, она плавно и органично попала в ухоженные, и не менее бережные руки мужа. Да и в целом, по жизни, как-то так все складывалось гладко да удачно, без материальных или каких-нибудь там социально-психологических затруднений, словом, без особых неприятностей и проблем. Ничего особенно и не желая, Кристина всегда получала то, что ей было нужно, причем, как правило, своевременно и, зачастую, в гораздо большем объеме. Хотя специально ничего для этого не делала. Просто бывает же так, что живёт себе человек в своё удовольствие и всё. Особенно не напрягается, но и воду не баламутит.

Выйдя из маршрутки возле какого-то торгового центра, Кристина пошла вдоль широкой, многолюдной улицы, почти не ориентируясь во времени и пространстве. Кристина не очень поняла, как и на чем она приехала в город. Ей раньше никогда не приходилось пользоваться общественным транспортом. Если Костя не мог её отвезти, она звонила водителю отца – Руслану или вызывала такси. Да и эти меры были временные, так как через пару недель она получает права. И значит, скоро будет ездить сама, куда только захочет, ведь в гараже стоит белоснежный джип, её собственный! Подарок Кости на 25-летие любимой жены. Здесь мысль будто споткнулась о какую-то невидимую, но болезненную преграду и она криво усмехнулась.

Сейчас Кристина помнила, что шла по дороге, когда рядом с ней остановилась газель и несколько человек вышло.

Другие, напротив, стали заходить внутрь. Какая-то девушка, стараясь обойти её, чувствительно царапнула руку Кристины пряжкой своей объемной сумки. Она вздрогнула, будто на время проснулась и на секунду замешкавшись, поднялась в газель следом за ней. Как и сколько они ехали, Кристина не запомнила совершенно. Она просто снова очнулась, когда на какой-то остановке люди стали шумно выходить. Оплатив проезд, она автоматически вышла с остальными. Сейчас Кристина почти бессознательно двигалась куда-то среди людей, скорее по инерции, отстранённо и равнодушно. Она не узнавала ни эти витрины и здания, ни улицу, ни район города, в котором прожила большую часть жизни, училась и даже, пусть и недолго, работала. Она смотрела без всякого любопытства по сторонам, не узнавая ничего. И была этому почти рада. То есть, если бы в данный момент она была бы способна вообще что-то чувствовать, то, скорее всего, это напоминало бы чувство удовлетворения. От того, в первую очередь, что она сейчас далеко от своего дома, в незнакомом месте, где никто её не знает и всем, фигурально выражаясь, плевать с высокой горочки, почему она здесь, что с ней случилось, куда она направляется и о чем думает. А думала Кристина о самых разных вещах. Но в основном, конечно, о себе и своей жизни. В толпе людей думать почему-то было легко и даже приятно. Мысли, усиленные воспоминаниями и подкрепленные собственными умозаключениями, текли плавно и ненавязчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.